

ОМОНА

№ 10 май 1972

ПЯТЬ ЛЕТИЙ ЛЕТ СССР

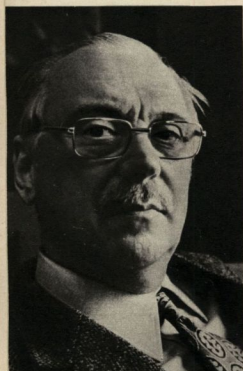
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДИА» МОСКВА



**ВСЕГДА
ГОТОВЫ!**

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ПИОНЕРИИ НЕОТДЕЛИМА ОТ ГЕРОНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАШЕГО НАРОДА И ЯРКО ПОДТВЕРЖДАЕТ ЛЕНИНСКУЮ МАКСИМУ ТОМУ, ЧТО ОБРАТНОСТЬ ДЕТЕЙ — ПУЩЕЙ ПУТЬ ВОССТАНИЯ НА КУЛОНАХ. ЛЕТОПИСЬ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВОДА ПРимерами ПАТРИОТИЗМА, САМООТВЕРЖЕННОСТИ, ПОДЛИННОГО ГЕРОИЗМА.

(Из Постановления ЦК КПСС «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина»).



Ирегулярный алый галстук является, как известно, не только отличительным знаком три его угла символизируют партию, комсомол и пионерку; повязанный на груди тугой уголок, галстук означает единство отцов, старших и молодых братьев. Вслед за 50-летием нашей партии страна отмечает 50-летие Ленинского комсомола. И вот теперь весь наш народ отмечает пятидесятилетие пионерии. Я не говорю: юбилей пионерии — это поистине всенародный праздник. Я не только потому, что он отмечается во всей стране. Чуть ли не все население СССР имеет отношение к пионерии. Моему отцу шестидесят с лишним лет, а он был одним из первых пионеров города Вятки. Я тоже никогда не забуду тринадцатого дня января в 1919 — отец мой был на войне, тогда воякаты повзлаз галстук мне. Теперь пионер — мой сын, внук моего отца. Вся наша семья пионерская. И это норма. Все советские семьи, все поколения этих семей, пожалуй, можно назвать пионерскими. Факт этот, видимо, очень точно выразил смысл, суть нашего социалистического общества.

— Несомненно. Если бы в анкете вступающего в партию был вопрос, состояли ли вы в пионерской организации, я уверен, большинство ответило бы положительно. В преемственности поколений, в духовной связи отцов, сыновей, внуков главное — это единство общественного воспитания. Когда человек, вырастая, вступает в пионерскую организацию, затем — в комсомол и, наконец, пройдя школу политической подготовки в партию, мы считаем это нормой нашей жизни, естественным путем развития сознательной личности. Пионеризм я бы сравнил с начальной школой общественного воспитания. Он дает первые уроки политического воспитания, и поскольку дает она их детям, — это особенно важно. Это очень важно, что с пионерской пионерской организации человек уже в детстве становится активным членом общества, что он готовится к взрослой жизни — жизни Борца и создателя. И возможно это опять же в тесном триединстве. Наши дети живут интересами старших братьев — комсомольцев, своих отцов — коммунистов. Красный галстук символизирует это единство поколений.

Иногда единство это сравнивают с эстафетой. Думаю, сравнение неточно. Единство поколений — единство пионеров, комсомольцев и коммуни-

стов — прочнейший общественный сплав. Единство наших поколений, их сила состоит в том, что старшие поколения, передавая свой опыт, помогают молодым его развить. Вот почему так близко восприняли многие поколения советских людей 50-летие комсомола. Вот почему так сердечно встречает советский народ юбилей пионерской организации имени В. И. Ленина. Глядя на ребят в алых галстуках, идущих по улицам с горном и барабаном, бывшие пионеры вспоминают свое детство, свои отряды. Но это не просто и не только воспоминания. Каждый, кто достиг зрелости, благодарен пионерии за первые уроки на жизненном пути, за школу активного отношения к жизни.

— Мы называем нашу партию героической. Мы называем героическим Ленинский комсомол. Подвиги взрослых навсегда остаются в наших сердцах, подвиги детей потрясают. Оттуда берется мужество, стойкость, сила, самоотверженность у двенадцатилетнего мальчика, совершающего подвиг? В истории пионерии немало славных, поистине героических страниц. Давайте вспомним имена пионеров: Павлик Морозов, Володя Дубинин, Турсунали Маталимов, которому в часном классе присвоили звание Героя Социалистического Труда за постоянную героическую работу на хлопковом поле. Давайте проанализируем историю этого героизма. Ведь он не случается...

— Я полагаю, что проявление героизма у детей, их самоотверженность и способность совершать подвиги рождаются главным образом в том обществе, которое движимо великой и героической идеей. Дети-герои, как правило, продолжатели дел своих отцов. Героически ведут себя сейчас дети Вьетнама, дети страны, народ которой борется за свое освобождение. Они видят перед собой пример таких близких, отдающих жизнь за правое дело, и это не может не всколыхнуть в них очень сильные чувства — справедливости, самоотверженности, преданности Родине.

Конечно, это прекрасно помнят историю подвига знаменитого Гвардейца. Он был радом с теми, кто сражался на баррикадах, подносил боеприпасы, помогал перевязывать раненых, а когда у повстанцев кончились патроны, мальчик, рискуя жизнью, отправился собирать их у убитых гвардейцев. И погиб как ге-

рой. Виктор Гюго прекрасно исследовал существо подвига юного патриота. В его маленькая, самоотверженной душе, как в зеркале, отразился патриотизм воставшего народа. Сильные, обаянные чувства ребенка ведут его к поступку, на который решился бы не каждый взрослый. И вот уже ребенок, его подвиг вдохновляет коммунаров...

Герои советских детей, пионеры всегда были страстными поклонниками, монолитности советского общества. В годы тягчайших испытаний, вышедших на долю нашей страны — в гражданскую, в Отечественную войны, — даже дети обрцались против врага свою ненависть, свой гнев, свою небезлишь, но самостоятельные силы. Работа становилась. Героизм Советского Союза, повторяя подвиги своих отцов. Имена пионеров-героев мы знаем наперечет. Но тысячи и тысячи других ребят, носивших галстучки в годы войны, делали огромную работу, которую тоже можно назвать подвигом: шестовали над госпиталями, собирали для фронта теплые вещи, помогали выращивать урсель. Многие ребята встали к рабочим станкам. Непобедима страна, у которой растут такие верные и самоотверженные дети...

Да, по детям, по их делам и поступкам, по их решениям повторить подвиги отцов можно определить жизненность, силу и возможности социалистического общества.

Все сказанное мною полностью относится и к мирной жизни. Многие пионеры награждены медалями и орденами за отличную работу, за помощь государству, стране, взрослому. А ребята, внимание на такую вещь: сколько ребят отмечено правительством за подвиги и самоотверженность во время стихийных бедствий? Дети, не щадя жизни, идут на помощь товарищу, спасают общественное добро. В этом проявляется важнейшее завоевание социализма — высокая нравственная сила нашего общества, которая ярже выражается в способности детей к самопожертвованию.

Я бы сказал так: наши дети, воспитанные в пионерской организации, носящей звание имя Владимира Ильича Ленина, буквально пронизаны

С Председателем Правления Союза писателей РСФСР, действительным членом Академии педагогических наук СССР, лауреатом Ленинской премии, писателем Сергеем Владимировичем МИХАЛКОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены»

Альберт ЛЯХАНОВ

Фото Сергея ПЕТРУШИНА

ПРИНЦИП И БАРАБАН

Листья страницы пионерской летописи

«Мы не верили бы ученико, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни», — говорил Владимир Ильич Ленин делегатам III съезда РСФСР. Пионерское движение, полуавтомат юби, лия которого сегодня празднует наша страна — это прежде всего богатейший опыт идейно-политической закалки, воспитания юной смены на зовах Ильича, на традициях революционной борьбы и притягивающего строительства социализма.

В дату рождения пионерского движения считается 19 мая 1922 года, когда II Всероссийская конференция ВЛКСМ, «принимая во внимание обстоятельную необходимость самоорганизации пролетарских детей», поручила ЦК РСМ разработать вопрос о детском движении с учетом накопленного опыта.

● 1923 год. В Москве, в Хамовническом районе, открылся первый в стране Дом пионеров. В этом же году начал издаваться первый пионерский журнал «Барaban».

● 21 января 1924 года трагичная утрата пошла советский народ — умер Владимир Ильич Ленин. Экстренный пленум ЦК РСМ постановил: «Привлечь все существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартак в детские коммунистические группы юных пионеров имени т. Ленина».

● 1927 год. Тысячи пионеров Красной Пресни приняли участие в пятнадцатой юбилейной игре под руководством С. М. Буденного. В этом же году пионеры области агитпоезд «В борьбу за урожай!».

● В августе 1928-го Москва приняла делегатов I Всесоюзного съезда пионеров.

● Летом 1922-го отправлены в путь две экспедиции пионерские экспедиции — по Казахстану на верблюдах и по Северному Кавказу на походных тележках. Цель: изучение природы, истории родных мест.

● Сентябрь 1932 года. В селе Герасимовка, Свердловской области, изучаем уют пионер Павлин Морозов, Октябрь в деревне Юлескино, Курганской области, уют Коля Маготин.

● Лето 1940 года. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Среди ее участников — тринадцать тысяч юных натуралистов, 29 из них награждены правительственными наградами.

● В годы войны тысячи юных пионеров участвуют в борьбе с фашистами. Среди ребят, погибших за Родину, — Зина Портнова, Валя Котин, Марат Казев, Лена Гончарова и Борис Царев. За мужество и самоотверженность им присвоено звание Героев Советского Союза.

● В марте 1946-го в ответ на призыв молодого отряда имени Минусинского-Макла изучать свое Отечество тысячи пионерских отрядов вышли в походы по родному краю. Год спустя началось всеобщее движение юных ленинцев под девизом «Учиться Родину сажаем!».

● 1949 год. За речной сбор чайного листа председатель совета дружины Бобоватской школы пионеров Наталья Челебадзе удостоена звания Героя Социалистического Труда.

● В послевоенные годы юные пионеры помогли старшим возродить страну из руин. При их активном участии и 1950 году восстановлено и заново оборудовано около 1 000 домов пионеров, почти 500 станций юных техников, 23 дома художественного воспитания и многие тысячи школьных зданий.

● 1958 год. В октябре в Донбассе вступила в строй домна, построенная из металла, который собрали пионеры Донецкой области, 200 тысяч тонн металла сдали юные ленинцы на строительство железной дороги Абакан — Тайшет.

● 17 мая 1962 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР Всесоюзная пионерская организация награждена орденом Ленина. В октябре этого же года дан старт Всесоюзному соревнованию пионерских отрядов под девизом «Имя Ленина в сердце каждого, верность партии делом докажем!».

● Всесоюзная военно-спортивная игра «Зарница» началась в 1967 году.

● Год 1970-й. Наравне со старшими пионеры отметили столетие со дня рождения В. И. Ленина. Их подарок юбилею — 100 000 тракторов, изготовленных из собранного ребятами металлолома.

● 26 марта 1972 года Центральный Комитет КПСС принял постановление «О 30-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина», в котором подчеркивается: «Всеми своими делами юные пионеры подтверждают верность торжественному обещанию — гордиться Родиной, учиться и жить, как завещал Владимир Ильич, как учит Коммунистическая партия Советского Союза».



НАША ОБЛОЖКА:
ПРАЗДНИК САЛОТ
МОСКОВСКИХ ПИОНЕРОВ.

Фото
Мирoslava МУРЗОВА

ФОТОЦЕНТР «ДВОРЕЦ РА-
ДОСТИ» СМОТРИТЕ НА
СТРАНИЦАХ 4-6.



14
30 ЛЕТ СССР.
МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ
БЕЛОРУССИИ.

24
РОЛАН БЫКОВ:
КОГДА МЫ СЧАСТЛИВЫ.

26
АКАДЕМИК А. И. ЦЕЛИКОВ:
АКСИОМА НАУЧНОГО
ПОИСКА.

28
«ОЛИМПИЙСКАЯ СЕРИЯ».
БОРЬБА.



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СЕССИЯ ГЛАЗИМА СТУДЕНТА.
РЕПОРТАЖ ИЗ МГУ

РАБОЧАЯ ТРИБУНА.
МАРШРУТ МАШИНИСТА
РЕЗЧИКОВА

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. КОДРЫ
ГОНКИ НА МЕРНОМ КИЛОМЕТРЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. В. Лукин (заместитель главного редактора), В. Г. Победосонцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стукос (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибидишвиц Технический редактор Н. И. Буднина

готовности к подвигу, дети мечтают о подвиге. Каждый раз, когда в космос поднимаются советские космические корабли, в Центральный Комитет ВЛКСМ, в Академию наук СССР приходят ребячьи письма, в которых пионеры просят отправить их в любой космический рейс во имя славы Родины. Заметьте, не во имя личной славы, а во имя славы Родины. Мало много пришло бы в детях в странах так называемого «свободного мира». Там действует та же формула, о которой я говорил: дети повзрослевают, дети постигают смыслы, мальки лет воспитываются чувством поклонения собственности, деньгам, а значит, власти. Выходит, что дети, как зверюшки, детским подсознанием берут звериные инстинкты, анархия и тому подобное. Каково общество, таков и его продукт, а буржуазное общество испытывает потребность поклонения нужные ему свойства. Я не говорю, конечно, о семьях коммунистов, где людьми является большая и благородная идея. Ведь и капиталистических стран растут ряды борцов за идеи социализма. В семьях борцов воспитываются дети-борцы.

«Вдугу стремиться всегда, везде, где возможно, учиться за себя для того, чтобы употребить их на пользу трудящихся» — так гласит один пионерский закон, утвержденных еще У съезде РКСМ. Вам, наверное, не раз приходилось убеждаться в этом, как вникать в практические «употреблять» свои знания «на пользу трудящихся». Как потом из них вырастали умные, зрячие, сознательные работницы нашего общества.

— Смысл этого тезиса впитан у советского ребенка с молоком матери. Формула эта — своеобразный нравственный кодекс ребенка. Повторю, нашего ребенка. Детям капиталистического общества такой кодекс неизвестен, потому что вся общественная система толкает его совсем на иной путь — употребить свои знания только себе на пользу. До другого ему дела нет.

Общественный характер советского ребенка, его стремление отдать свои силы, свои знания — другому — классово-высшее достояние. О служении обществу думает советский рабочий, колхозник, инженер, артист, писатель. Он выражает это в своем труде, и не удивительно, что так же думает его сын, его дочь — каждый советский пионер.

Коллективизм — могучая сила нашей жизни. Коллективизмом растет советский человек, начиная, как говорится, с советского человека — остальное одному, вне коллектива, без товарищей и друзей, вне общества. Пионерская организация даже по самой своей структуре — земляки, отряды, дружины — воспитывает у ребят коллективизм, дружбу, спайку. Желание служить обществу для ребят — не индивидуальное, личное и вытекает от коллективного, ибо каждый из них понимает, что отряд, дружина принесут пионерии и стране больше пользы, чем один человек, самнит, из Ленинского: «Ведь один, даже очень важный, не поднимет простого пяти-верхнего бревна, тем более, дом пятиэтажный».

— Выш замечательный, поистине хрестоматийный диалог Стенга, Сергей Владимирович, на мой взгляд, эталон пионерского вождизма. Своим детально-неугловатым, самнитом, из Ленинского этот литературный герой вызывает предвзятую любовь и поклонение как ребят, окружающая даже Стенгу в поэме, так и читатели. Каким представляется вам Сергей Владимирович, пионерский вождь, коммунист, последний шаг воспитания младших братьев?

— Во-первых, надо сказать, какими он не должен быть. Он не должен быть дельцом, он не должен быть в общении с теми, кого он хочет воспитать. Он должен обладать чувством юмора, он должен своим личным примером, находчивостью, смелостью, мужеством увлекать за собой ребят. Он должен находить с ними общий

язык. Он должен не бояться ответить на любовь, самый ценнейший билет той или иной девочки. Это и в коем случае не должен показывать свое превосходство перед теми, кто его он воспитывает. Он не должен мучить, он должен учиться, он должен варьировать и обрывать человека, даже если видит, что тот не прав.

Собственно говоря, пионерский вождь — это человек с особым призванием. Хочу подчеркнуть: именно призвание должно стать определяющим обстоятельством в выборе этого работника. Социально-значимый вождь должен быть прежде всего образован, начитан, эрудирован. Слава нет, это крайне важно, но в отряде предостаточно людей с талантом. Это и это парадоксально, другому человеку — менее начитанному и знающему, но беззастенчиво любящему дело, мудрою юной мудростью, умно, юному и кустер запалить с перелопачиванием, владеющему слесарным ремеслом, знающему голоса птиц, и, наконец, понимающему музыку. Это и это за того вождя. В связи с этим мне кажется, что прекрасными вождями могли бы быть люди старшего поколения — бывшие пионеры, бывшие рабочие, имеющие, конечно, воспитательный талант. Каким людям есть чему поучить пионеров, есть что рассказать.

— Партия поручила воспитание пионеров Ленинскому комсомолу. Именно под его руководством работают Всесоюзная пионерская организация и пионерские отряды. Какие вы считаете важные шаги и омивания и углубления в пионерской работе. Чем является для вас сотрудничество с пионерскими и интересны в этой работе?

— Комсомол — коллективный вождь пионеров. Руководит пионерской организацией, комсомол как бы готовит кадры для себя. Так что можно считать руководство пионерской организацией частью комсомольской работы.

Я не хотел бы вдаваться в подробности пионерских проблем, в этой области есть много вопросов, которые мне только, что, по-моему, очень важно обратить внимание на деятельность пионерской организации в пределах школы. Часто, сокращаясь, на школьном пороге и оканчиваясь влиянием пионерской дружины, отряда, звена на членов своей организации. Это печально. Жаль, что только по праздникам, да и то не всегда, увидишь пионерский отряд со знаменем, горном и барабанами. Нет ли воспитательных задержек в том, что знания дружины выливаются в пионерскую организацию, что его нет рядом с ребятами — на субботнике, в походе? Тут есть над чем подумать комсомолу.

Но не могу не сказать и о хорошем. Замечательную инициативу проявил комсомол, организовав Всесоюзную пионерскую игру «Славянцы». Игра внесла хорошее оживление в пионерскую среду. Мне кажется, комсомолу надо бы еще более активно использовать возможности многообразных форм общения детей друг с другом.

— Сергей Владимирович, в восторге от пионеров, от ребят, от ребят, а где Стенга в морской форме. С какою любовью и любовью к нему, к Стенгине ребята? С какою любовью и любовью к нему, к Стенгине ребята? С какою любовью и любовью к нему, к Стенгине ребята? С какою любовью и любовью к нему, к Стенгине ребята?

— Я хочу рассказать одну историю, рассказанную мне лично, которую делал комсомол и школьникам пионерского воспитания современную пионерии?

— Неподалеку от дачи, где я живу, есть могила офицера, погибшего при обороне Москвы. Это в 45 километрах от города. После войны пионерская комсомольская партия в Брестскую школу, установили обелиск офицера же решили оставить там



ДВОРЕЦ РА

Более подходящего места для него, наверное, и нельзя было найти — крутой берег реки, с которого видна вся столица. И когда едешь до станции «Ленинские горы», то из вагонов метро в большинстве случаев выходят пассажиры ирва веселого, шумного, беспоккойного. Это пионеры. Это их станция.

Когда я пришла во Дворец пионеров на Аспирал, мне попадались гл. Лучше всего из пионеров, постоянных обитателей Дворца. В востилбале ко мне обратился мальчишка лет двенадцати. Он попросил «Друшкуну» — позвонить. «Друшка» нашла. Но скоро мальчишка вернулся и отдал монетку обратно: «Спасибо, Никто не подойдет». Мы познакомились. Витя Глазков согласился стать моим глдом.

— Ты в каком-нибудь кружке занимаешься? — спросил я Витю.

— Нет, ни в каком, — ответил он. — Я тут просто так, к товарищам хожу, к приятелям. Они занимаются, а я смотрю.

— А тебе не интересно попробовать что-то самому сделать, а не только смотреть?

— Я хочу все попробовать, а сверва все посмотреть. Потом уж выберу что-нибудь.

— Вот так прямо во все кружки и ходишь?

— Ну да. А что?

— И только смотришь?

— Нет, еще и разговариваю.

— А не выгонят тебя как праздношатающегося?

— Да нет. Я же не мешаю. Я просто смотрю. Если надо, спрошу. И все. — А все-таки, что тебе во Дворце больше всего нравится?

— Вообще-то я игротеку люблю. Поидемте поиграем в настольный футбол, а?

Если глд зовет, надо идти. Закон туристов.

Мы немножко поиграли в футбол, а когда Витя меня с позором «высадил» и продолжил игру с рыжей лачушкой в сетка сконенном глстунке, я выхватила серьезные вещи.

Например, что:

ночи все игры в игротеке сделаны руками самих ребят тут же, во Дворце, на пионерской фабрике. Фабрика настоящая. В ней четыре цеха: столярный, валялоочный, оформительский, картонажный. Входя в цех, продавая пропуск, снимаю табельный номерок. Фирменные издательства фабрики идут во многие дома пионеров, школы, не только московские,



«...ЭТО СМЕНА КОМСОМОЛА — ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ ОТРЯД!» ДЕТСКИЙ ХОР НА ПРАЗДНИЧНОМ КОНЦЕРТЕ.

Мирослав МУРАЗОВ [фото]

ДОСТИ



ПОД СВОДАМИ ДВОРЦА.



СЛЕСАРНОЕ ДЕЛО — ЛЮБИМОЕ.





**КОСМОНАВТЫ РАСТУТ
НА ЗЕМЛЕ.**

НАСТОЛЬНЫЙ МАТЧ.

**СОБАКОВОДСТВО — И НАУКА
И ИСКУССТВО.**

**ДОРОГА В БОЛЬШОЙ БАЛЕТ.
СНИМАЕТСЯ КИНО...**

но и сельские. И на всех стоит: «Сделано во Дворце пионеров».

Кроме того, я выяснила, что Витя, видимо, невозможно, мягко говоря, преувеличил: не мог он обойти все кружки Дворца — ведь их семьсот пятьдесят!

— Да вы у Марьяртеманы спросите (Мария Артемьевна Петрусевич, дежурной по Дворцу.— А. И.), она подтвердит,— заявил в ответ мой гид, когда я указал ему на «спреувеличение».

Мария Артемьевна сказала, что Витяка тут обитает с утра до ночи, в чем, конечно, была не совсем точна: все-таки он еще и учится в шестом классе тридцать первой московской школы.

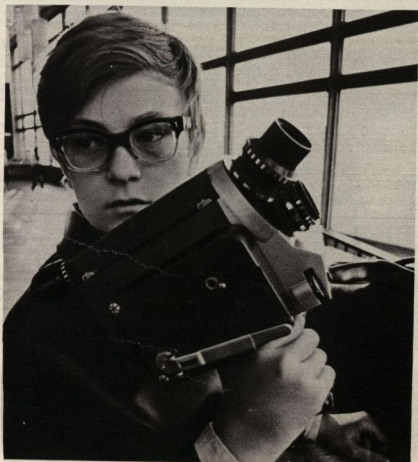
Гидом Витя оказался хорошим, деловым. О Дворце знал много.

— По площадям территория Дворца, говорят, как Ватикан.

— А ты знаешь, что такое Ватикан?

— Ну... Там папа римский живет. Это государство в Риме.

Я вспомнил, что и Ольга Ивановна Грекова, директор Дворца, говорила однажды об этом. Но если в рези-





ВСТРЕЧА СО ЗНАТИМ ЧЕЛОВЕКОМ — ГЕРОЕМ ВОЙНЫ И ТРУДА АЛЕКСЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ПРОКОФЬЕВЫМ.

девицу намы римского так просто не понадеешь, то Дворец на Асторгах — для всех и на его территории вход свободный. Ни заборов, ни часовых.

Неожиданно вспомнилось знакомство с тремя воспитанниками Дворца пионеров. Было это в 1968 году в Казахстане, на озере Балхаш, у подножия горы Сары-Шаган. Лагерь экспедиции Академии наук СССР. Трое школьников рука об руку работают с учеными. Задача — зафиксировать прохождение полого солнечного затмения 22 сентября. Ребята занимались во Дворце в кружке физики и космо-метрии. Год они конструировали свой оригинальный прибор — экстрострометр. И вот приехали сюда: Мина Го-

дес, теперь, по-настоящему подружился с небом.

Потом мы заходили в «Нахимовец», клуб юных моряков, и ребята показывали, как вести разведывательное судно и посылать, а чем разница между вальботом и шлюпкой.

Мы добрался и до карнов.

В искусственном саду, заведая планировкой багряной акации и лещино кунался эти рыбы. Среди них, тускло-серых, бангаста золотые карасики с длинными хвостами-вуалями. На мгновище показались, что стеклян-ные стволы лампы, эти рыбки, тропи-ческие растения крутом (Дворец их подарил Главной ботанической сад Академии наук СССР) мне багряк, словно они были востра, и томаты не хотелось. Но гнд был неуמוлим: ведь надо было зайти и в клуб интерна-циональной дружбы, и на репетицию лоткеского ансамбля и посмотреть, как Витя ровесники водит авто-мобиль, и как с жуткой скоростью и во-ем летают кордовые модели само-летов, и как колажут ребята в биохи-мической лаборатории, и как... (По-пробуйте на одном дыхании произне-сти или написать период, в котором «и как» будет 750 раз!)

В кружке служебного собаковод-ства мы присутствовали на церемонии передачи воспитанных ребятишек сво-им представителям поправойск. И здесь Витя Галзков привнес, что ему боль-ше всего хочется ехать на воспитание щенка. И еще: записаться в кружок собаководства.

— Ну, и сделай это завтра же.

— Завтра же! — Невозможно было обойти и 400 учебных кабинетов, лабораторий, побывать в спортивных и зрительных залах.

Но в кабинет истории пионерского движения мы все же зашли. Витя позва-нил меня с Дим Димычем Уголки-ным. Его многие зовут именно Дим Димыч, хотя могут ве-дать по фамилии. Дим Димыч — это с молодости, с 20-х годов. Когда-то он был вожатым в детском приемнике на Пресне. Там он создал пионерский отряд... Дим Димыч ходит в артези-анской форме, при всех пионерских ре-галлах. И в шестьдесят он остался пионером, не ушел из пионерской организации.

Московский Дворец пионеров и школьников начинает свою историю с 1936 года — он выхаживал тогда в ве-реушке Стоянин. В его создании самое непосредственное участие принимала Надежда Константиновна Крупская. А в 1961 году торжественно открылся новый Дворец — на Асторгах, где много простора для ребят. Их жизнь во Дворце по-настоящему интересна, волезна, исполнена больших дел. Эта работа здесь, как и требует постанов-ления ЦК КПСС «О 50-летии Весо-са», должна быть по-настоящему ин-тересна и полезна. «...направлена на развитие детской инициативы и само-деятельности. Дворец является штаб-квартирой городского пионерского актива. Здесь зарождается и развиваются тради-ции иральных лет, возникают новые инициативы и почини—недавно за успе-хских достигнутые в деле коммунисти-ческого воспитания детей, Дворец на-гражден орденом Трудового Красно-го Знамени.

Ребята любят свой Дворец. С ним связано у них самое лучшее, что есть у человека — детство. Он помогает им стать настоящими пионерами сейчас, а значит, в будущем, во взрослой их жизни — первым во всех больших делах своей большой страны.



ВЕРНИСАЖ ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ ИЗ АРМИЙСКОЙ ССР.

МНОГИЕ РЕБЯТА — УЧАСТНИКИ КЛУБА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ДРУЖЬИ.

рячев, Володя Гутькин, Аркадий Дил-кин.

Это не игрушки. Это шаг в науку. Благодаря Дворцу. — Генер скажи мне, сколько па-роду занимаешься в кружках каждый день? — поспраив я Витю.

— Сколько в месяц, знаю: почти сто тыщ, а сколько в день, не рассчитаю, — сказал Галзков. — Пошли карнов посмотрим... Или сперва к космонав-там!

И мы пошли к космонавтам. Галзков водувнешьясь. Он поспраивал на тренажер. Я стоял рядом, но голова даже у меня кружилась. А ему хоть бы что. Он залез в кабину, начал вер-теть всевозможные ручки. Ну, все, сейчас вылетит. Но это тоже была тренажер. Шаля тренировка юных космонавтов. Многие ребята, которые начинали

АЛЫЙ ГАЛЗКОВ



не казалось, я знал их. Как возможно знать людей знакомых. Смотрящи, бывало, на них и где-то подслушно задушевно. Черт возьми, ведь же людям. Этакая ладность во всем! И сами они хороши, и дочка у них — прелесть. Счастливые люди!

Потом целый год я не видел их. Давал себе слово навестить, но все как-то не получалось.

— Ты знаешь, они разошлись...
 Мой друг вечно куда-то спешит. Я не успеваю рассмотреть о подробности. А впрочем, я и не хотел о них расспрашивать. Я просто не поверил ему. Разыскал в записной книжке рабочий телефон, позвонил.

— Так почему-то, — сказал он.
 — Но почему?
 — Я хорошо тебя слышу, но кричи. Сам не пойму. Жизнь...

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Здравствуй, Кирилл!
 Ты не ожидал моего письма? Не удивительно... Я не ожидала его тоже.

Знаю не могу привыкнуть к сочетанию слов: все конечно, но не совсем, но не извиняюсь, но никак, никак пути нет. Все знаю, я привыкну не могу.

Встав утром, машинально занималась привычными делами. Заплетала Аннушке косички. Готовила завтрак. Аннушка не пришла, не извинилась, кулы, разучилась рано вставать. Накрывала наскоро на стол. Анна, притомляется ко мне, слышу ее голос: «Мама, почему ты опять поставила три тарелки! Нас же только двое».

Сильно провела неделю! Мессяц, да! Прошел год. Страшно подумать — целый год. Все эти дни я настойчиво твердила себе: «Ты права. Он невыносим. Он думает только о себе. Он нетерпим к другим. Он капризен. Он злой и мститель».

Порой мне хотелось закричать: он, он, он! Все самое плохое, самое несправедливое — он.

Я находила оправдание любому своему поступку, находила лежку, словно зарпане, год-два назад, уже думала, что такое оправдание будет необходимо. Потом наступил какой-то мертвый сезон... Мы были. И нас не было. По квартире ходили наши тени. Бедная Анна. Кто ее недоумали! Встала утром и я вдруг спрашиваю: «Мам, а что такое круглая сыра? Да! Ты растерялась, что не нашлась сразу, что ответить. «Это», — говорю, — когда девочка или мальчик растут без родителей, у них нет ни мамы, ни папы». А она качает головой и так задумчиво говорит: «Понимаю. Значит, если кого-то одного нет, то ты сыра половинная, да? Я не выдеркала и разревалась, как дурра. Долго лежала с закрытыми глазами. И все думала: за что же я должна не любить тебя! Каждый твой промах казался мне аксиомой. В твоих ошибках я старалась угадать какой-то расчет. И если даже не угадывала, то все равно убеждала себе: он есть, его не может не быть. Конечно же, ты же делаешь умышленно. Уверенность в своей правоте возвращала ко мне».

И я уже не чуя, а бегу в суд. И мессяц, оставленный нам для размышления, принимает мой как величайшая несправедливость. Сейчас, немедленно, сию же минуту порвать с этим недостойным, черствым человеком. Не помню, что это сказал: «В некий день не повторяется. Завершающий день прекрасен. Но его может и не быть...» Я представляла своего избранныка совсем не таким, как ты.

Помнишь наш разговор? Ты, уж эти грязь о сказочных принцах... Так и сказал — «грязь». «Взрослые люди с их полудетскими снами — смехом».

Печатается в сокращении.

Потом ты еще что-то говорил о голубой лазури, о розовых облаках, о замке на перепутье трех дорог. Ты был неистощим на иронию и лишь однажды, став очень серьезным, с удивительной, еще неизомоймой мне неесточностью сказал: «Мы нужны себе больше, чем кому-либо другому. В этом наше несчастье. Мы так старательно отрицаем это, словно угадываем здесь собственную неодолимость». А зря: свои пороки должно знать. Мы поженались».

Могло ли случиться иначе! Наверное, было. Были Али, и Димка были. Застенчивые, обязательные парни. Меня смешила их стеснительность. Их такти и заветы, узаконенные авторитаризмом. Очень скоро я поняла: мне надлежит сделать выбор.

Ты не забыл Зою? У нее на этот счет определенное мнение: «Когда долго присматриваешься, обязательно выберешь не то, что нужно. Устаешь сравнивать». Она права, я сравнивала, словно бы ставшая вас плечо в плечо, и смотрела, кто выше, а кто ниже ростом. Нелелея, глупая затея. Разве возможно сравнивать людей, которых не знаешь?

Потом была свадьба. Страшно подумать, я сидела в подвенечном платье, смотрела на Алику с Димкой и как пошаманяла твердила: «Дура, он убедел тебя. На самом деле ничего нет, никакого чувства. Разве ты забыла: «Мы нужны себе больше, чем кому-либо», в этом наше несчастье». Алику я не видела ни в какой-то момент. Так вот податнутый, такой определенный, словно лет, на доску вперед замка, как будет и что будет. Я смотрела на тебя, и тогда все суега казалась мне ничемной, пустой, и успокоилась. И Алику с Димкой уже не казалась мне обремененными. Обычные парни. Они рады за нас, они гуляют от заты. Горько!

Потом ребята по очереди женились. Я хорошо знала их всех. Лет пять, может быть, шесть спустя мы как-то сидели втроем, сидели и болтали о житейских несладностях.

Многое изменилось. Мы были женаты со ставом, обзавелись детьми. Как возобновили мебельные гарнитуры, холодильники в раскраску. Мы старались не говорить о работе, которая, конечно же, нас заматывала. Вспоминали общих знакомых, тут же растапливали их в разные стороны. Одни попадали в мир бесспорно величии, вторым доставалось доля редкости неудачников. Мы немощно замывали парням, жалели вторым. Я смотрела на девчонку и я вдруг поняла: сейчас каждая из нас словно заново примеряет свою судьбу, и хочется ей знать, какая ступенька на жизненной лестнице отведена именно ей...

Однажды встретила на улице Лиду Команнуну. Мы вместе учились, нас даже считали подругами. Обнялись, расцеловались, охов и ахов на полчаса.

«А помнишь Димку? Он! Куда запропастился Валера? Что за! Сказала, у Вурчички двойня родилась — вот хохма! Говорит Лидя быстро, ее не оставишь. У меня от эти смехов воспоминаний голова кругом. Лидя смотрит на меня, хочот — неудобно даже. Она все говорит, говорит, и смеется. Вдруг спохватывается, обнимает за плечи и в самое ухо кричит: «Ну а ты-то как замужичи? Говорю: «Да». «Кто он? Говорю: «В НИИ работает. Научный сотрудник». Морщится, головой качает: «Зарабатывает хорошо!» Пожимаю плечами: «Обычно: сто тридцать в мессяц и мюх сто — ишь можно». Смеется: «Существовать можно, а жить нельзя. Родители помогают!» Ты даже растерялась. Вопрос какой-то ненормальный. «Да нет», — говорю, — «детдомовский он...» Ну вот краснень!

Слушай, Кирилл, ты красивый или нет? Я как-то не думала об этом.

«Иногда», — отвечаю, — «не хуже других». «Ну, а тебе-то любить? Хотела ответить «да», а потом испугалась: ядур совур? «Не знаю», — говорю, — «наверное». — «Дочка твоая? — «Моя». Разговорился — «Пожога, копка. Возьмат кот с ней! Мне

уже и отвечать неудобно. Может, и в самом деле я невезучая такая. «Возвращается», — говорю, — «поздно. Вот если только в воскресенье». Лидя руками всплеснула: «О господи, ну хоть съмастри ты!» Я смотрю на нее, смех меня почему-то разбизает. Ей ведь один черт не понять. «А кто его знает», — говорю, — «наверное».

Потом я ехала домой и все думала: «Все мы немощно чувствуем. Ищем чего-то однозначного. Когда еще поймем: нет ее, обещанной формулы счастья, и не было никогда».

Извини за это несоборное, раскританное письмо. Всегда наилучшего тебе. Л.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй, Ли! Получил твое письмо. Долго недоумевал, почему оно оказалось у Саввички. К Зое забегала случайно. Ты же знаешь, я редко бываю у них. Это скорее твои друзья, чем мои.

Зою не узнаю — сама предугадываешь: «Ты нас совсем забыла!» — Голос у Зоиной ворчливый, добрый.

Я подвинулся очень истатик. Зоюнка томится привычным бездельем — являет. Мишка дома нет. Сейчас Зоя вскипит чай, и мне придется выступить обстоятельный рассказ о всех бедах и радостях, постигших счастливое семейство за прошедший год. Вру: я у них не был полтора года.

Ты меня столько спрашивала: за что меня Зоюка недолюбливает? Если честно, я этого даже не подозреваю. Мы вместе учились. Я пробовал за нее ухаживать, потом как-то все разладилось, поехали Мишка. Мы сохраняли вполне корректные отношения. И избегали разговоров о том, что когда-то наши отношения были иными. Я цел ст привык к роли доброго знакомого, с которым удобно поболтать о пустяках, обмениваясь подражательным на Новый год. Однажды мы встретили случайно на троллейбной остановке. Поболтали о том о сем, пригласила друг друга в гости. Уже прощались, Зоюнка вдруг сказала: «У тебя короткая память, Кирилл. Наверное, так жить удобнее. Миша — следствие. Ты меня бросил, и вот тогда появился Миша».

Я ничего не ответил, не успел. Подождал ее троллейбус, и она уехала. «Интересно», — подумала я. — В какой редакции эта история передается мюму?»

У нас оказались очень знакомые. Было два или три случая, когда мы встречались там. По-прежнему довольно безобидно шутили, но всякий раз в Зоюных глазах я угадывала и тот же вопрос: «Но же маленьше!» Был ли вопрос на самом деле? Я мог и ошибиться. Однако неизменно отвечал: нет, не жалую.

Зоюнка аниматомно разглядывает меня. Хочешь выпить?

— Нет.
 — Что так? Не каждый день в гости заходишь. Посиди со мной, раскидай что-нибудь».

Лидя же хотела. Да и говорила Зоюной не о чем. Хватает ее принципиального Мишу или ругать? Если сидит одна — лучше ругать. Миша человек настроенно. Могу, глядя на ночь, умотать в газету... А ядур с минуты на минуту являт! Тогда ругать никак нельзя, лучше звать.

«Я, пожалуй, пойду». — «Вот тебе раз... Ну от чьего-то не умрешь! Нынче ты парень холостой, Торонитесь тебе некуда. Мой свозник... Да и говорила замкнись. Красная невинность тебе общество свое предлагает, а ты не воротишься. Или я некривая!» — Зоюнка потягивается, делает это с удовольствием... Ох... мужики, беда по вас скучает.

Я смущен, ничего не понимаю. Женщина она действительно красивая. Я смотрю на Зоюнку и думаю, что где-то в глубине души она осталась

НОМТОРЕ



Рисунок Олега ВУКОЛОВА

все той же Зойкой. И люблю человеческую удачу она придает все на ту же чашу весов. Лучше, чем у Миши, хуже, чем у Миши. Упаси бог, если лучше. Значит, удача эта не твоа. И ты обманул кого-то, обогнал. Да чего говорить — скверный ты человек. А вот если хуже... Здесь уж не обесуду: каков поп, таков и приход. Нет в тебе этого самого, не дано. А впрочем, жонк. Мишу люби. Он тебя тоже ценит, потому как глупее ты. Может, и неважно достоинство, зато свое.

Потом Зойка говорит о нас с тобой.
— Как жаль! — говорит Зойка. — Кто мог подумать. Покините врозь, еще, может, все уладится. Лика — она божеество, ее нельзя не любить.

Я, судя по всему, тоже не так плох. Ее подруги до сих пор не верят. Да и сама она не верит. Таких парней, как я, еще поискать нужно. Парамы с тобой. Теперь я могу быть доволен: Зойка нас с тобой любит, у нее болит душа за нас.

— Семейная жизнь, — говорит Зойка, — это как лодка: в ней всегда должно быть равновесие. Как ты думаешь, почему мы с Мишей не ссоримся? У нас разделение труда. Он гребет, а я у руля. Это образно, а на самом деле...

Чай стывает в чашках. И Зойку уже не остановить.

В хозяйстве Мишка — профан. Тратить деньги Мишка не умеет, выбирать друзей тоже. Вкус у Мишки нет. И вообще житейские дела — не Мишина стая. Еще пять минут, и Мишки не будет совсем, останется одна Зойка.

— Сначала было трудно, — вздыхает Зойка. — А теперь ничего. Я научила его смотреть на жизнь моими глазами. У вас все наоборот. Климат в семье определяет сильный — это законно. С тобой сложно, я знаю. Она тебя разлюбила? Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, но я ответил:

— Вряд ли.

— Я так и подумала. Вы перестали понимать друг друга. Несовместимость характеров — это бывает. Век такой.

Послушай, а может, Зойка права?... Надо научиться смотреть на мир чужими глазами и все будет в порядке?

Нет, нет, нет!!!

Кто может согласиться на добровольную слепоту? Зрячий! Никогда. Слепому терять нечего.

Я ничего не забыл, как, впрочем, и того разговора о сказочном принце.

Тогда я не спал всю ночь. Бродил по комнате, много курил.

Мать всплохилась: «Почему ты молчишь, что произошло?» Я смотрел на ее сутулые руки, мне хотелось поглядить, успокоить их. Добрая, беспокойная мама. Мне ничего сказать тебе, я сам терпелся в догадках. Неужели твой сын так плох, что его надо придумать? Жаль, но я, видимо, никогда не получу ответа на этот вопрос.

С тех пор я не люблю сказок. Я попал в сети, которые сплел сам. Однажды Мишка разоткровенничался со мной, ухватил за воротник, подтянул к себе и прямо в лицо выдохнул:

— Черт возьми, мы так завидовали тебе. Ты выиграл, выиграл заслуженно. Ты знал, чего хотел. А мы! Мы все гадали, чего же хочешь она? Понимать свои собственные желания! Наверное, это не так мало... А если ты способен в их правомерности убедить другого, это уже капитал, непостижимо много, старик.

Как видишь, они тоже считают: у нас не было любви... Просто ОН убедил ЕЕ — заставил поверить: это любовь.

Прости за тяжелый слог. Поцелуй Аноуту.

К.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Вот и прошло лето... Идет дождь... Конец сентября. Должно быть половодье.

Возможно, я придумала тебе. Мне признание у него ничего не приносит. Во всяком случае, наша вина равновозна. Ты тоже фантазер.

Послушай, Кирилл, ты должен помнить тот вечер...

Мы стояли на самом верхнем пролете лестничной галереи, выписываясь из музыки, в конце. Где-то внизу выплескивались кофегары. Слышно было, как этаким комом, на кухне, смеются девочки. Потом кто-то вышел на лестницу и громко позвал:

— Поля, ты где?!

Мы переглянулись. Ты скинул мои руки и тихо сказал:

— Сейчас придется искать свою Полю, а найдет она...

Парень потоптался на месте, прислушался к лестничным шорохам, снова ушел в коридор.

— Как ты думаешь, зачем мы живем?

Я растерялся, у тебя удивительная манера задавать самые неожиданные вопросы.

— Мы? Ну?... Чуть бы жить, любить, найти свое счастье...

— Наверное. Только этого мало. Что-то должно остаться после нас...

— Да... да... согласна я... Наши дети, дела... — Вот именно, дела. Слушай, я должен тебе сказать. Кто знает, возможно, в этом есть какой-то ненормальный элемент. Я болел собственным делом, понимаешь? Работа для меня — все.

— А я? — Ты тоже все. Просто существуют понятия, их невозможно сравнить.

— Понимаю. Но иногда приходится выбирать.

— Выбирать?! Зачем! На надо ничего выбирать.

— Да, да, ты прав, но, помимо этого, есть мое дело, моя работа. На каком месте поставить ее? — Тут работа?

— Ну, она существует.

— И слава богу. Почему ее обязательно ставить на какое-то место? В жизни должно быть что-то одно главным. Неужели ты этого не понимаешь?

Я беспомощно кивала, хотя смысл сказанного вряд ли доходил до моего сознания. Мне все время казалось, что наш разговор, он, конечно, очень нужен, но все это так, всякий разговор нужен... Люди собираются жениться. Надо же о чем-то говорить.

А может быть, все началось именно тогда, Кирилл?

Мы только привыкли ко вторым ролям, там всегда, когда так старательно гонимся к первому.

Потом сыграли свадьбу и жизнь закружилась...

К нам часто названивал ребята. «Перевалочный пункт», — шутил Миша. А я радовалась: ребята не забывают нас.

Если собирались вместе и, сами того не замечая, проговаривали, что жалеем нашу прошлую жизнь, скучаем без нее.

Каждый приезжал со своими заботами, они до невероятности были разными, но уважение к этим заботам было все одинаковым: на один-два дня работы становились общими.

Димка преуспевал. Он сначала экспериментального цеха. Директор без него ни на шаг. Вот уже третий раз посылает Димку в Москву провизировать оборудование.

Мишка наоборот. Снохлясь по редакции в ожидании самого худшего, Выносил возможность записаться. Вдому получал отказ. Мишке не повезло с самого начала. Получил направление в Омск. В газете мест не оказалось. Мишку засунули в местное издательство, где он был главным человеком по выпуску плакатов.

Через год Мишка вернулся назад. На все распросы отвечал угрюмым молчанием. Неуждался в неделю, занимая деньги и снова пропадавший. И так было это до последнего звонка: «Известия».

Был твой звонок на самом деле или его придумал Мишка? «В отделе писем нужен сотрудник...» — больше Мишка ничего не сказал, поехал искать протекцию.

Декан факультета журналистики, старый друг Мишкиного отца, назвал Мишку дезертиром. Сказал, что его смывает стыд.

— Ты преступно молод, — говорил декан, — Тебя погубит легкая жизнь, богема разорит твою душу.

— Не знаю, как насчет богемы, — бурчал Мишка, — Но пона мне, твою безденежность.

— Эх, молодец! — сказала декан и написал записку.

Мишку посадили на договор...

— Ну, как у тебя? — наседал Мишка.

На твоем лице появлялись подобие улыбки. Ты

пожимал плечами, словно не очень понимал, как там действительно у тебя.

«Я жена неудачника» — несносные слова.

Твоя замкнутость становилась невыносимой... Ты жил в своем мире, ревниво оберегал его и неприкосновенности. И лишь отголоски страстей, далекие и непонятные, как старое эхо, доносились до меня. Чего ты боялся — все эти неперспективности? В самом деле — я профан. Все эти большие сомнения, которые для меня были несмысленны. Но ведь речь шла о другом, О жизни.

— Оставь, — говорил ты, — К чему ты это упреки! Жизнь есть борьба. Извини, но расширяться некогда...

Значит, так: некогда говорить о своей работе. Потому что я ни черта в ней не смыслю. Невозможно говорить о жизни. Потому что, если не ладит с работой, ты ни о чем другом говорить не можешь. И о людях тоже. Ведь если они не имеют отношения к твоей работе, это не должно быть? Ты смотрел на меня каким-то отрешенным взглядом, а затем, чуть растягивая слова, с трудом скрывая зевоту, говорил:

— Маловато, отчего тебе так не терпится порассуждать о темных материях, ты бы Земельса не смыслил? Это что, любовь-любовь или чисто женская черта?

Мне становилось тоскотно от этой улыбки. Она была станавилась все боль и сомнения с этого момента, делала его глазами, полагая на зеркало... Смотреть и видеть только себе.

«Не спрашивай меня ни о чем!» — эта фраза стала сутью наших отношений...

Однажды ночью я не выдержала и разревелась. Заглядывая в зеркало, ты мне говорешь инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею второе, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

— Ты спрашиваешь руку — раньше я любила засылать на твоем плече, — долго молчишь. Затем старательно тушишь сигарету и начинаешь говорить медленно, отбавившись, каждое слово паузой.

Закрывая рот руками, хочу пригнать твои инерциею первое, что придет в голову. Мне становилось жутко, будто слова твои все-навсегда продолжение безликого молчания...

Ливеровский поднимается, оглядывает себя в оконное стекло, поправляет галстук.

— Как костюмчик?

— Великая вещь — кредит. Сорок рз — остальные по возможности. Да, чуть не забыл. Я тебе тут работенку одну принес. Глянь по диагонали.

— Никогда, — отмахиваюсь.

— Парнишка, ты меня обижашь. Одним глазом.

Ливеровский приличит, от него двумя словами не отделавшись.

— Давай.

Прислушавшись объяснительную записку, заглянув в чертёж.

— Не понимаю, — говорю, — Ты лесохимик, а занимаешься лесохозяйствитель. Зачем?

— Всякая идея требует выхода.

— Разве мой метод похож на все прежние!

— Нет, не похож. Поставить человека с ног на голову — еще не значит сделать его другим. В таком положении он для нас попросту неприемлем. Вот и я.

Ох, парнишка, ты упрям, как Нерон. Надо быть альтернативным человеком.

— Современным, — уточняю.

— И современным тоже, — соглашается Ливеровский, — Современный человек, это умный человек, но идеалит. Считаешь, что мить золото можно только на Чукотке или в пустыне Гоби. А я получаю его из водопроводной воды. Беру директивный документ, прикомандую в гости, там, где так много золота. Мы тут воду в ступе толчем: что первоначальное, а что нет. А умные головы уже подумали. Задача номер один — читать. Задача номер два — читать. «Вы как хотите, — говорю, — а я буду заниматься проблемами, которые указываю здесь» — «Но позвольте, они решены» — возражает мне. А я и в каюку. «Мне lavori первооткрывателя не нужны. А ушелению нет пределов».

Я оторопело разглядывал Ливеровского. А он сыпал и сыпал.

— Что же ты хочешь от меня?

— Мне, Ливеровский, — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

Он ушел, а я сижу и думаю: кто же из нас прав? И вообще Ливеровский — изложил или ступе только то, что было сказано сейчас. Работа не похожа на прежние.

а незаметно. Нужно собирать магнитофонные записи — у меня лучшая коллекция. Ты отказываешься человеку в достоинстве быть современным. — Ты в современном, Мишка. Ты ко времени. Этого разговора никогда не было и, может быть, не будет. Такое впечатление, словно мы разругались заочно.

Мой замечательный друг Мишка. Блуждающая звезда в индустрии, то есть в области молекулярного биологического строительства, оно было, преступным.

Ах, если бы наши нескладности мы научились замечать, чуть раньше! Ну да, кому нужны эти беседы?

Будешь у Саввицких, передай от меня привет. До встречи.

Кирилл.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Здравствуй, Кирилл!
Продолжаю писать первую тройку. Приезжай и отругай ее.

В нашем хозяйстве маленький перелом. Не знаю, что и сказать. На совещании в ронэ как криковали. Вряд ли больше, чем другие. Однако достаточно. Кирилл вернулся мрачный, зашел в учительскую. Мы уже знали о случившемся, занятия кончились, и теперь все вместе и каждый в отдельности гадали, почему критиковали нас и что же тогда надумали. «В двадцать пятую средней школе нет творческого подхода... Жаль... сказал доладчик... Было время, когда эта школа задала тон в районе».

Вот так, — сказал директор таким голосом, словно бы, что он собрался сказать, уже скандал и многозначительное «так» должно влезть в нас трепет.

Директор подумал и, видимо, посчитав свой мотловок слишком скитлым, добавил: «Доработайтесь».

Мы помолчали, и тогда директор снова заговорил.

— Они правы, — сказал он. Брови канулись вверх: директор даявал понять, что те, кто всегда прав, это не мы, а там, где вот здесь. И хотя он тоже немаленько там и так, как он предается, как мы прискробом, вместе с нами. — За три года ни одного начинания, — вздыхает директор. — Нехорошо.

Узнавzusская выписала на линованный лист все начатые наши соседней. Шесть школ — да же развезутся. Стоит кому-то заикнуться, Ада тут же сообщает: «Нечто подобное уже было в шестидесятый». И мы снова грязем нотки и чертаем на вышивании.

— К десятому марта проект должен быть. Думайте!

Ему хорошо. Он сказал и ушел. А мы ломая голову. Впрочем, нет, ему тоже плохо. Мы с Адой скоро как погода практикуем свободный опрос учеников — пока все отменно. Никаких пространственных домашних заданий. Каждые десять дней — коллоквиум.

Пришли к директору. «Дайте попробуем в остальных классах».

Лев Титль для острастки помолчал, поджидая усам цвета разбавленной горчицы. Думал, до было на что-то решаться. И Лев Титль учил этой необходимости чрезвычайно, страдал, принал нас в союзники.

То же самое. Этого, то нате нам — переверот. Осторожен надо, без суеты. Посмотрим, что экзамены покажут. Этого там тоже не любят.

Жаль, Мы с Адой перегулялись. Так хотелось попать в историю...

Спасибо за привет от Ливеровского. Ты слишком оптимистичен.

Нелзя же осуждать человека только за то, что он не поком на тебе. Мы живем в мире, где притие — большее благо, чем отрицание.

Чем плох Ливеровский? Сейчас он работает за пределами начальная гайка. Он не дурак. Это кажется тебе самым худшим. Неужели лучше, если его место займет опсиной олу? Виктор Петрович не лишен слабостей. Но идеальных людей не существует, Кирилл.

Я не знаю, что было твоим причиной, но на учете все же не надо. Ты же не против Ливеровского. Только, ради бога, не грози. Неужели столу. Ты не голосовал за... Слышала, Ну и что? Вы не хотели бы дружить. Поверь, это никому не вредно. Ты же можешь, а ты не помешал.

Тебе же надо что-то сделать. Неужели человеком честным и непорочным. Это похоже на правду. Я могу подтвердить.

Итак, честный оказал помощь лежцу. Востор-

жественно принцип: «Все мы люди». Оказывается, не так сложно найти компромисс.

Знаешь, что в этой истории самое удивительное? — Ливеровский недавно мне рассказал о нашей встрече. Рассказывал подробно, с большим чувством юмора. Все выглядело очень забавно и даже потешно. И кончил он неожиданно. Вдруг стал серьезным и сказал: «Ваш бывший друг, Лив, на редкость порядочный человек».

Можешь спать спокойно — теба похвалили. Все доброго, Кирилл.

Р. С. Скоро зимние каникулы. Ты общал на тему Анушуку кататься на лыжах. Она все время тараторит об этом. Не забудь.

До встречи.

Л.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Кто же велик на самом деле? Создавший чудо? Или тот, кто поставил чудо под сомнение!..

Только кто закончил новую работу. Я никогда не видел профессора в столь радужном настроении.

Рассказывай по лабораторию, мило картвяти, подражай Вертинскому. На две раз по сути интересуются, как у меня дела. Мне чуточно неудобно, но я пробую отшутиться: «За последние два года особым изменениям не подвергся».

— Сметешь над стариком? Эх, молодежь, драть вас некому. Вы понимаете, что мы натворили!

— Понимаю...
— Не понимаю...
— Не понимаю...
— Старик не на шутку загулял.

Впрочем, он прав. Если все уладится, нас можно поздравить. Разработана новая технология получения бумаги из древесины бросовых пород. Вчера на экспериментальной установке получили первые пробы. Честное слово, хотелось все расписать. Иван Сергеевич попросил выключить моторчик. Когда в лаборатории стало совсем тихо, сказал:

— Вы выполнили работу колоссальной важности. Вы решили проблему, над которой бились десятилетиями. Но... рука с указкой сделала стремительный росчерк, как бы заминая мысли в направлении в один из углов кабинета. Обсуждение до поры до времени — тело инородное. И чем оно парадоксальнее, тем всемогуще силы противоборствующего. Это жизнь, друзья, а жизнь, как известно, борьба. Будьте мужественными!

Нас поздравляли, нам жали руку. «Вам чертовски повезло», — говорили нам. — Иван Сергеевич — голова... Мы безмятежно улыбкались в ответ. Дерзкая, и сами мы парни не промах. Артем Меркушкин, и сам же парни не промах. Артем Меркушкин, по сколько придется на нос, если нам дадут Государственную премию. Ну, конечно же, Иван Сергеевич превулеличав. нас окружает предельно, дорбожелательные люди. Коллеги парней наших — привет!!!

Еще через день отличился Пузанов. Решил обнародовать экономический эффект нашей работы. Утром перед входом в лабораторию уже висел дамугетерый стэнд: «А знаете ли вы! прекрасные изделия Пузанова вызвал директор института. Назвал Левшу Балюком, затем рабством и приказал стэнд снять. На малом ученом совете нас упрекнули в нескромности. Выступал Вагонин, большой дога в вопросах лесозащиты и т.д.»

— Идеа сама по себе прекрасна, — сказал большой дога, развел руками и, показав всем присутствующим свои крепкие искусственные зубы, добавил: — Но мало ли прекрасных идей! Шеф вернулся с заседания мрачный. Перед самым уходом он пригласил всю группу к себе на кафедру.

— Рассказывать о чем-либо не собираюсь. Время восторгов прошло. Впереди будни — крепительные.

Знаю уже не подражалывали. Нам высказывали всевозможные опасения нас сочувствовали. Иные брали под локоть, вводили в сторону и делились гримасами, доброжелательным предугреждали: «Зря интингуешь, угломотишься».

Летом интингуешь на опсиной комиссии. На ее заседании и дотошно проверили комиссию. На ее сессии расстроил: ну как! ваше мнение! — члены комиссии дисциплинированно улыбкались и доверительно говорили: «Посмотрим».

Большой ученый совет заседал в четверг. Кто-то из опсиной комиссии не успел прийти. Наш опоздник из соседнего института, сухожа-

вый, желчный старик (его пригласил объективный директор), заявил:

— Мне вряд ли стоило выступать, поэтому я ограничусь всего одной цифрой. Прочность бумаги, полученной по новой технологии... Оплодотворенная, подошла к грифельной доске и нарисовала громадную цифру «80». — Нда! — пятидесять процентов уступит прежним образцам.

Шеф еле заметно кинул головой.

— Это не удивительно. Передача информации двигались со скоростью пяти километров в час. Опознать дернулся и, свисая на петуха, выкрикнул:

— Главная причина качества бумаги, а не в нашем надуманном аналогии.

Третейским судья должен был стать гласный. Вернем мне позволив профессор.

— Вы, кажется, знакомы с Ливеровским! — Иван Сергеевич помолчал, я слышу его прерывисто, тяжелое дыхание.

— Знаком, — соглашаюсь я.

— Тем лучше. Я не сторонник подобных методов, но...

Старик крайне неприятен этот разговор. Я не даю ему догвориться.

— Профессору, мне не надо ничего объяснять. Достоинство ученого — это его дела.

— Вот именно, вот именно, — засуетился старик, — вы же не хотите забавлять друзей. И вообще не годитесь завладевать наукой. У вас устало... Жаль времени.

Я размыкал Ливеровского. Он вышел ко мне навстречу в полосатой пижаме. Чуточно смурясь, сказал, что не ожидал, что страшно рад. И вообще не годится завладевать наукой.

Мы шли чля. Ливеровский понимал кивал, слушая мой рассказ.

Я отчетливо волновался, буда передо мной сидел один Ливеровский, а буда передо мной гласный.

Когда я кончил, он вытер платком запясытый лоб, поискал сигареты.

— Вобщем-то я знаком с делом.

— С Ливеровским. Полностью. Лучший, что битый час я говорил вступил... Простач, если бы я знал раньше...

— Ну, это ты зря. Одно — акты комиссии, другое — живое слово ученого.

Он так и сказал: «живое слово ученого».

— Ты мне льстишь. Я пришел рассказывать о нашей беде, а не давая научную консультацию. Нам нужна твоя поддержка. Впрочем, тебе наша работа тоже нужна. Это завтрашний день промышленности, иначе — твой авторитет.

— Ты же не хочешь отвечать?

— Ах, Кирилл, вы несправедливый романтик. Завтрашний день. Ох, ох-о! Лидер ментальны, мой друг. Они привыкли получать зарплату сегодня. Однако злит об этом. Я уже поминуть и ценить доброт. Аргументы против вас достаточно убедительны, но...

— Послушай, — перебрал я его. — Ты же умный человек... Обычная мышьяная возня... Не так легко отказаться от привычных догм. Разве мы что-то потеряем по сравнению с тем, что приобретаем колоссальны резервы, который до этого был недоступен... Они попусту боится конкуренции. Собственно, первые 10—15 лет ни чегого оплодотворенного. Ты же не хочешь отвечать? — Дай мне закончить мысль. Так вот, — из возражения отнюдь не голоносы. Идея великопелема, хот она и не нова. В ее воплощении вы продвинулись дальше Чижова. Прощаю. А оно тоже не мальчик. Однако опспрните в рамках большой промышленности говорить еще рано. И все-таки я не высказываю против. Хотя под напором объективных обстоятельств мог бы это сделать. Ищите людей, которые готовы вас поддержать. Брагин — крупный ученый, у него должны быть единомышленники. И последние... На правах старого знакомого хочу дать один житейский совет. Не возражайте!

Мне было не до житейских советов, однако я снова слез.

— Чаше смотри под ноги, Кирилл. Есть слоны, встречаются тигры, бывают и носороги. Но в маленьких земляных норках живут мышки. Обычно-вернее серые мышки. Опасно не замечать мышей...

Анота прислала мне письмо — спасибо. На следующей неделе буду у вас.

Всего наилучшего.

Кирилл.

Окончание следует.



ПОЛЫМЯ НА СТРАНИЦАХ КНИГ...

Точность родин поэзию со всеми науками, в том числе и со статистикой.

Белорусскую поэзию и статистику родин кровь народа, слезы матерей, вешел сожженных деревьев. Вот почему я начинаю со статистики:

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ ЖИТЕЛЕЦ БЕЛОРУССИИ ПОГИБ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

Весь мир знает о деревне Хатынь, вся осенняя слышит скорбный голос ее колоколов. 180 БЕЛОРУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ ПОСТЫЛА УЧАСТЬ ХАТЫНИ.

Детище поэтов, которые выступают сегодня в «Смене», прошло на территории, оккупированной фашистскими захватчиками.

Госпожины поехали из окна хаты ребячьих рук передавали партизану последний кусок хлеба и чистый ружийки. Мир, который впервые увидел эти поэты, лежал в развалинах и в зле. На их лица лежали отблески великой трагедии, отблески партизанских костров, полыхающих в снегу и мужества. Потому это полыхающее дело на страницах из перомы книг.

«Бороудинское» поколение, как его шлода называют критики, пришло в поэзию с тревожными раздумьями и благородными чувствами, ни одна радость ему не досталась задаром.

И Бороудин, и Вертинский, и Цеприк, и более молодые Рязанов, Гречаников — все они из села попали в университет, все они стали активными свидетелями рождения пламенной нефти, ланского атомного реактора, шахтерских тоннелей Солигорска. На их глазах из пепла поднималась корува тракторного и автомобильного заводов республикан. Белорусские «Майна» трудятся на Дальнем Востоке и в Средине Азии, в братской Польше и в дружественной Африке.

Поэтическое слово белорусской молодости проникнуто духом интернационализма, сама жизнь обогатила белорусскую поэзию новыми ритмами и темами. Продолжая традиции Коласа и Купалы, Есенина и Твардовского, молодые поэты «партизанской республики» творят, ищут, обогащают национальный колорит достижениями современной поэзии.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Рыгор БОРОДУЛИН

Орляная баллада

Перо орла оброну на утренние скалы. Слюной Поронию, снежок подальше.

Встают дымки паннами весны еще не смелой, плывут кругами плавными. Шумит Дунаец Белый.

Перебрать камушки и радугу играет, на рассвете за уши мороз еще хватает.

Весна, как революция, смела самодержавные зны! Востучея похватуеся — уяне не каторжане!

Пусть шире разливаея Дунаец в непогоду — скорее мир доживаея, отуда пить свободу.

На чье лицо устале выплываю, и в чьей осяе проталины весну опережаю.

Перо орла оброну... День ясыма оном глнну.

Волнуеся Поронию: «Что то за пан Ульяно!»

Покрыты скалы проседью, но время бьет кричице. Орел летит на родину, и сердце встает за птице!

Пусть воля исполнская весною мира правит, для дум — перо орляное, вину — снегов пергамент.

Поклон орляной волнице! От родины далеко назло тоске-затворнице он будит май до срока!

Над Татрами белымым его очей искрине...

Здесь встретилсь с орляным историм тропинки.



Рамы рады от мирного взрыва звенеть.

Воды пensive глухо занылк.

Лед раут на Западной Двине — Подирают небо столбы ледяные.

Взгорны чуят хребтаны траву: С обжиганными саблями лезет зеленое войско.

Просыпайтесь, слушайте — лед раут!

Поплывет он застывшим воском...

Древо реки задрожало от вершиным и до колы.

Сверку донизу треснуа, кора ледяная разбудит дерево.

Лед раут! Скоро вновь заговорит земля

Языком зеленым листьям, льбом и доверья.

Анатолий ВЕРТИНСКИЙ

Чудак человек

Чудак человек... Глядит на родинку маковую
И целое солнце видит перед собой.

Чудак человек... Берет обычную раковину
И слышит в ней океанский прибор.

Чудак человек... Глядит на дорожку гладкую,
А шлет себе тернистых дорог

С их крутизной, с их тревожной загадочью...

И будет шагать, понуа не свалится с ног.

Чудак человек... С потерьею новозавратно
Не мирится он в глубине души.

С неправдой и даже с обидно правдою
Не хочет самириться — хоть коп теши!

Чудак человек... Ведь, казалась бы, много ли
Нужно ему! Но в бессонных ночах

Отчаянно ищет перлетум-мобиле,

Панацию и чудесный рычаг.

Чудак человек... Ему — Хирскому, Освенцим,
Ему вместо имени — лагерное тавро.

А он все твердит и твердит, что будет добро.

Чудак человек... Над бездной хочот раскатисто
И верит в бессмертье —

чудак человек, чудак... и это чудачество —
Спасенье его, его человеческой зны.



Алесь РЯЗАНОВ

Март

Идет незримая работа
извечного круговорота,
и в каждой капле дождевой
твоей крови жемчужной...
Я сплавлю время!
Спросят: кто ты?
Отвечу: не любить драм,
вспененной золотые софы
приветствую по вечерам,
Март!
И, как в юности, тревожно,
и дышит волею простор!
И нет для сердца бездорожья
в краю задумчивых озер.
Возникнет пламя из полей —
душа приблизится к весне,
и ликованья и сомненья
день новый обещает мне.

Открытие

Четыре шага по квартире
сквозь ночь, сквозь полузабытые.
Я твердо знал, что где-то в мире
живет открытие мое.
Вставали профили великих,
как шахты вечного труда,
и в тьму веков бросала блики
их формул тяжкая руда.
И сквозь огонь рассвета
сквозь одержкности огонь
открытие само летело
созревшим зблоком в ладони!
Сосед, мелочто подгорелый,
под щедрой яблоней говел,
и бил звонкие ранеты
по неразумной голове.
Открытие брело ночам
под гомон речек, по росе,
вслушавя встречу случайной
Оно сверкало у порога
звездой в бочке дождевой,
я знал, саятла к нему дорога,
но нуту легких нм однок.
...Летят гигантские качели —
озер лохани и мосты!
На лоб земли бросают тени
раздумий целкие
кусты.
И на лице луны тревога,
бессонниц спутные следы...
Как первобытий образ бога,
торчит норга
из воды.
И все, что называют тайной,
вновь приближается к тебе,
волнуя встречено случайной
на неслучайной борозде!

Он манит далью и полетом,
зеленым дражиет мираном
и солнечным водоворотом
уже буянит подо льдом!
Сквозь сад, оттаявший едаже,
свой город не узнал опять!
И все бессвязные слова,
и все беспыльные объятия.
Чье недоевье, чья тоска
увидет явное не хочет!
Бормочет мутная река,
река прозрачная хохочет.
Ау! — над гладью ледяной,
ау! — сквозь голый хаос сада
тому, что дышит новизной,
тому, что совершится завтра.

Деревья

Здесь в июне увало лето —
шорох ветра в листьях сухих...
Когда мы вас рубили,
мы губили себя самих,
Руки, что корни черные,
корнями и лаптя лилей...
Вы наши братья,
которые оставили следы
по нашим следам не пошли.
Остались расти шумливо
тыл, где речной обрыв,
чтоб дымались мы счастливы
дорогою птиц и рыб.
Но, как в черномозе коренья,
в сознание навет вошло:
когда умирают
деревья, он оставляет тепло.
Пусть это родство незримо,
олять мы у них в тени,
и горечь печального дыма
тревожним раздумьям сродни.
Колоны дубов пошлим,
когда приходила беда,
ломались авопали с нами,
и боль нас пронзала одна.
Сегодний день и вчерашний
зеленая делит стена.
Нам дивно, и горько,
и страшно,
что вы не покинете нас,
Пыла за рекою зеленела,
но щедро струился озон,
лишь безо за узором глдело:
к чему безоглядный разгон!
Но, с острым железом порискав,
оравно блудит слюдой
вернемся мы к нашим колескам,
к зеленому шесту слов...

Юрий АДРИАНОВ



Сегодня смиными цветом купаны
Снегов последних белеет стам,
Сегодня в полночь рождалась трава,
Стрелой зеленой пробил туман,
Сегодня в полночь великой силой,
С какой приходит и нам новизна,
В природе отблеск снегов сменяла
Черенуш смежность и безына.
Лег пруд голубых листов металла,
Где бьются звезды, чуть-чуть звена.
Сегодня в полночь ты угадала,
Что где-то радом разбужен я.
Разбужен тем же дымчатым маа,
Доглявшим снегом,
Рождившим трав.
Тем, что восходит судьба яная,
Рукою теплой меня обня.
Сегодня полночь легла границей,
Мир мал и тесен, как будто клеть.
Сегодня к несням готовы птицы
И ждут сенуиды, когда запыть.
Связь чувства и мыслей,
Связь меж вещами
Должны сегодня во всем пролечь...
Идею полночь немых прощаний,
Все ближе утро грядущих встреч.



...Оторвало лодку, унесло.
Как крыло,
И плывет, забыта в воде,
Словно клоп осеннего листа.
Развернет ее и так и сая.
Где же незадачливый рыбак!
Как ты без хозяна будешь жить,
Долго ль, лодка, так тебе кружить!
Плыть тебе под крики куличек:
Ты ведь беспризорная, ничья...
Тыщит лодку легкая вода,
Лодка отщечает:
«Не беда!
Я одна отправлюсь по реке,
Пусть что будет в дане-далеки!
Надево спать у берегов,
Уешать рассветных рыбак.
Уплыва и земли погляжу.
Тольмо Волге я принадлежу...»
Снова чайки сели на волну,
На занате всплывнувшую воду,
Возвращаясь к колосску природе,
В сияную родию тишину.
Сонная назойливая пель
Гребин гор охватывает разом,
И плывут назаваня деревень
Песней детства,
Юности рассказам.



Отблеск солнца корабли несут,
К дальним горам мда навстречу.
Кажется, что совершает суа
Надо мною этот майский вечер:
Эта на Каспий не спешит вода
И пыными островами, к разлуге устья.
Прыг и тебе содейт тревожной
грустью
Этот час, как жезин правота.
Среди праздной суеты сует,
Странных астрел и новых авантюрат,
Встало на твоем пути, позт,
Слишком много долгих пережиток,
Долгого молчанья стихов,
Времели, истраженного дорна...
Волга, озаренная помером,
Смотрил исподлобья берегов...
Волга, слышу добрые слова,
Вудь всегда со мною, этот вечер,
Волга, ты, как будто мать, права,
Горестно, забитиво и вечно.
Я, наверно, так, как никогда,
От твоих грувых глаз счастливый:
Верно и счастливо майского разлива,
Верно в полночьные гадд!

г. Горький.

Перевела с белорусского Южж КИСЛИН и Игорь ШКЛЯРЕВСКИИ.
Рисунки Виктория АДУРМУЛИА





«Алмазы для африканцев»,

«СМЕНА» № 6, 1971

В статье И. Хлебодорова «Алмазы для африканцев» шла речь о поисково-разведочных работах, проведенных в рамках ООН в республике Сенегал, и о том вкладе, который внесли в это важное дело советские специалисты. В статье, и сомнению, сказано лишь несколько слов о Георгии Дмитриевиче Назарове, 35-летнем геологе из Свердловска, который выполнил свой высший гражданский и интернациональный долг, безвременно погиб в Сенегале. Между тем заботы этого человека в изучении недр республики Сенегал и в подготовке местных специалистов обязывают меня более подробно рассказать о делах и личных качествах товарища Назарова Г. Д., которого я знал по совместной работе в этой стране.

Георгий Дмитриевич проработал в Сенегале менее года, но за этот период сделано многое. Он открыл золоторудное месторождение в Восточном Сенегале. Сейчас ведутся поисковые работы на золото именно там, где указал Назаров.

Характерно, что золотосное месторождение было открыто советским специалистом, а именно утверждению западных специалистов, «ничего нет и не может быть».

Как только мы приехали в саванну Восточного Сенегала и устроили там свои лагеря, нацелились трудовые будни в нелегких условиях. Ртутный столбик радио опустился ниже 35 градусов, неистовое африканское солнце выжигало траву и листья деревьев, нагревало камни так, что до них нельзя было дотронуться. Начался сухой сезон, время, которое геологи стараются использовать с полной отдачей: роют шурфы, обогащают породу, словом, разрабатывают поисковые работы, успевая закончить дела до наступления дождей. Опадай на день-два, там и останешься в грязи, весь сезон дождей: тропические ливни размоют дороги, образуют в руслах сухих рек и ручьев бурные потоки, которые отрывают от внешнего мира.

Георгий Дмитриевич сразу же окунулся в работу, изучил местность, геологические и химические карты, провизировал состояние доминирующей в сенегальских геологах и маршиейдеров. В течение недели Георгий Дмитриевич исследовал кварцевые образования, выходящие то тут, то там на поверхность. Он высказал предположение, что здесь имеется месторождение золота с отношением к полезному содержанию, но продолжал регулярно и упорно исследовать породы на различных участках гипотетически золотосной зоны.

Он изучил французский язык и свободно общался с сенегальцами. Почти каждый день вместе ближайшей деревни ввели уходящего в саванну советского «госполина Назарова» с геологической сумкой и молотком в руках в сопровождении Бубу Сиссоу, сенегальско-французский. Это был обычный 15-, а то и 20-километровый маршрут, после которого ирландцы Бубу, как рассказывали местные жители, приход домой, а вынужден от усталости и потчас засыпал. Вот только «платроне» — так звали сенегальские различия на начальную — не уставал. До поздней ночи в «бурно» построением из бамбука трафаретной росписью лампы — «платроне» подводил итоги трудного дня: что-то подсчитывал, занюс в особую тетрадь наблюдения, выводил, замыкал в будничным, всего за 4 дня до своей трагической гибели Георгий Дмитриевич прошел 13 километров, чтобы сделать геологическую съемку.

Такой же любовью и уважением пользовался он среди советских и африканских специалистов, когда работал в Аргентине до своего приезда в Сенегал.

Мы хорошо знали семью Г. Д. Назарова, живущую в Свердловске, потому что он часто и с большой любовью рассказывал о своих детях, о жене, посадившей нас в северные новости, которые приходили к нам в саванну всего один раз в месяц.

Время работы в Сенегале было для Георгия Дмитриевича временем наивысшего самозабвения работы, которая высоко оценена сенегальским правительством и награждена сенегальским высшим орденом республики «За заслуги». Его деятельность в Сенегале получила также высокую оценку Организации Объединенных Наций. Главный представитель ООН в этой стране господин Куральде, выступая на траурном митинге в Дакаре, отмечал как знаменательный факт оказание помощи молодому независимому государству советскими специалистами, посланными страной некогда отсталой, а ныне высокоразвитой промышленной державой. Имя погибшего Георгия Назарова говорил он, навсегда останется в одном ряду с именами национальных героев Сенегала, вставших в борьбе за лучшее будущее своей родины.

С каждым годом число советских специалистов, работающих в развивающихся странах, непрерывно растет. Мы с глубоким уважением вспоминаем первых посланных нашей страной в африканском континенте, в числе которых был прекрасный человек, коммунист Георгий Дмитриевич Назаров.

В. ДМИТРИЕВ, г. Москва

ММР
ПОМОЩЬ
В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ



ЖУРАВЛИНОЕ НЕБО.
Фото Виктора САККА



МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ПЕЧАЛЬНЫЕ РЕКОРДЫ ЮАР
2. ИСЧЕЗАЮЩИЕ ПИСЬМА
3. МАЛЕНЬКИЕ РАБОЧИЕ
4. СРОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДО... 3470 ГОДА
5. ВОКРУГ СВЕТА НА ЯХТЕ
6. БЕСЦЕННЫЙ МУСОР
7. ОПАСНЫЙ ГРУЗ
8. ХАОС НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ
9. КЛЮЧ НАХОДИТСЯ В ПОЛЬШЕ
10. ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ ДОЗВОЛЕНЫ ЛИШЬ МОНАХАМ И КОЗАМ
11. СУДЬБА ОСТРОВА МОНТЕ-КРИСТО
12. НАЙДЕН ЧЕТВЕРТЫЙ КОДЕКС МАЯ
13. ЗАЩИТНЫЕ ОЧКИ
14. МОДНИЦЫ ЛОПНУТ ОТ ЗАВИСТИ

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

Южно-Африканская Республика может похвастаться многими «рекордами»: это страна с самым большим числом заключенных в мире, большинство из которых осуждены за нарушения расовых законов.

Еще печальнее рекорд по числу казней. Если с 1911 по 1947 год ежегодно казнили 25 человек, то в период 1948—1964 годов число казней увеличивается до 66 в год. В 1968 году было казнено 118 человек.

Один из расовых законов обязывает всех африканцев и людей других рас — за исключением белых граждан — постоянно носить при себе паспорт. Полицейские очень часто проверяют паспорта африканцев и за малейшее нарушение штрафуют их. Согласно статистическим данным, за нарушение этого предписания ежедневно наказываются 1900 человек!

В конце 1949 года 809 человек были приговорены к длительному заключению за нарушение так называемых законов по обеспечению безопасности. Около половины из них осуждены за принадлежность к организации «Африканский национальный конгресс» или же к компартии, а вторая половина — за «саботаж» или «террор». «Саботажники» читают отказ африканца выполнять работу по приказу, а терроризм — протест против полицейского произвола.

За последние 20 лет полицейский аппарат ЮАР неуклонно усиливается, увеличивается численность армии, состоящей только из белых. Войска и полиция обучены для действий прежде всего против африканцев в их собственной стране.

«ФРАНЕ ВЕЛЬТ», ГДР

2.

Каждое утро около семи часов утра 800 почтальонов Западного Берлина разносят корреспонденцию жителям города. Руководствуясь карточками, которую каждый из них имеет при себе, почтальоны отдают примерно десятую часть своих писем. Эти письма оказываются до адреса лишь некоторые время спустя, а нередко и не попадают ему вовсе. В почтовых документах они отмечаются как «внутренние служебные корреспонденции». Почтальон помещает их в специальный металлический ящик, который передает затем специальному служащему. Адресаты изъятых писем могут быть абсолютно уверены, что им заинтересовалось Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов.

Один из почтальонов (назовем его условно Йохен) постарается разузнать подробнее о судьбе пропажающих писем. При сортировке утренней почты он помечал различными знаками письма, возвращающиеся через посылку, и заносил адреса, по которым письма все же доставлялись. В июле 1971 года у него в руках уже оказались весьма солидный список писем, которым интересовался ЦРУ.

Провести «расследование» Йохену было не так просто. Чтобы зайти в места, служащие ЦРУ часто задерживают не только изъятые им письма, но и изъятые почтальонно соседям, а иногда и целого дня или даже несколько дней. Для Йохена, с некоторых пор весьма симпатичного фотоником.

Работники западноберлинского почтамта уже не раз выжидали недоговоренно по поводу проверки места следов служащие ЦРУ частно задерживают не только изъятые им письма, но и изъятые почтальонно соседям, а иногда и целого дня или даже несколько дней. Для Йохена, с некоторых пор весьма симпатичного фотоником.

«КОНКРЕТ», ФРГ

3.

До недавнего времени в осенние месяцы на базарной площади в Альматуре, на юге Италии, разрывались трагедии. Работали отвалили ангелы семьи детей оклеветанцам, которым была нужна дешевая рабочая сила. В 1970 году правительство запретило подобное предпринимательство. Однако оно продолжается, только сейчас эти печальные сцены перенесли в задние комнаты трактиров.

В прошлом году раскрыто тринадцать таких случаев и было возбуждено судебное дело против многих родителей. В официальном документе, касающемся запрещения детского труда, правительство сообщает о том, что в Италии не менее полутора миллиона детей до 14 лет вопреки закону работают в ущерб своему здоровью и образованию. В Неаполе, где детский труд — традиция и где он все более распространяется, государственные контролеры обнаружили в двух трети мастерских, трактиров, отелей и заведений, в которых производил инспекция, работающих детей. Часто они вынуждены работать 10 часов в сутки, не включая субботу, чтобы заработать для семьи немного денег. Социального страхования для детей, разумеется, не существует. Среди них очень часты производственные травмы. В 1970 году от тяжелой физической работы умерло двое мальчиков и 63 подростка получили увечья. Однако действительное число несчастных случаев установить невозможно. При английских проверках полиция обнаружила, например, десятилетнего мальчика, который работал на пожуре железки и 11 часов в сутки переносил тяжелые столы и стулья. В одной каменоломне был обнаружен 12-летний мальчик, а также девятилетняя девочка мыла ванны и клеозиты.

«ПАРИ-МАТШ», ФРАНЦИЯ



4.

Это не шутка. Суд в Оклахоме действительно приговорил обвиняемого Чарльза Колинза к 1500 годам тюрьмы, то есть до 3470 года.

Судебные заседатели — все белые — обвиняли Ингера виновным после шестиминутного совещания. Спустился два часа судьи уже объяв-

ли приговор — 1500 лет тюремного заключения.

Впрочем, приговоры ка абсурдно долгим сроком тюремного заключения стали обычной практикой в американских судах в последние годы. Перед осуждением Колинза за оклахомские судьи приговорили двух к 500 годам, а третьего к 1000 лет тюрьмы, и эти три обвиняемых были индусы, обвиненные в нападении на белую женщину. В Техасе двое негров также были приговорены к сверхдлинному тюремному заключению — первый к 1000 и второй к 1001 году тюрьмы.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

5.

Специалисты считали, что обойти земной шар с востока на запад на паруснике с одним человеком на борту невозможно из-за встречных ветров. Это мнение удалось опровергнуть шотландцу Шену Виллу. Через 292 дня непрерывного плавания сто 16-метровая стальная яхта «Фрэнк Стуйл» бросила якорь в английской порту Гемба близ Саутгемптона. Было пройдено три океана, 30 000 морских миль, пережито множество приключений. В южной части Индийского океана многодневный ураган отклонил яхту на сотни миль от курса. Несмотря на это, Виллу удалось сблизиться с предельными возможностями график плавания, и он выдал он только на... 20 минут по сравнению с наметченным для озарения временем.

«МОИРС», ПНР

6.

Западноевропейский город Вупперталь имеет единственный в мире музей... мусора, в котором представлены вещи тысяч экспонатов, «выловленных» из оборота. Среди них редкие книги и рукописи, более ста различных предметов охотничьего вооружения и даже музыкальные инструменты. Основателем музея является Роберт Пог, бывший чиновник, отвечавший за вывоз мусора из города. К нему и сейчас относятся подобный музей он пришел после того, как двое рабочих нашли в мусоре книгу книги, среди которых находились два редких произведения Маклаудов, изданные в 1504 и 1763 годах.

«ПАНЧ», АНГЛИЯ

7.

На обиток берет Ла-Манша разворачивается операция по обезвреживанию контейнеров, содержащих взрывчатые вещества, опасные как для морской фауны и флоры, так и для человека. Контрейнеры, выброшенные волнами на пляжи на французском и английском берегах канала, перевозимые испанским судном «Германия», затопленные во время шторма. В операции по обезвреживанию, состоящей в подтягивании контейнеров и транспортировке к месту уничтожения, принимают участие специальные военные подразделения и полицейские работники. (На снимке морские пор-

котлины в противохимической защитной одежде переносят один из контейнеров. Операция еще длится до завершения: в первом дель после объявления тревоги из всех 3 000 контейнеров, находившихся на борту «Германия», было обнаружено только 100. Покис опасного груза продолжается.

«ФЛАКРА», РУМЫНИЯ



8.

В ФРГ в последнее время произошло несколько серьезных железнодорожных катастроф. Так, в начале прошлого года «Бавария экспресс» сошел с рельсов на повороте при очень высокой скорости. 28 человек погибли. В мае последний вагон столкнулся с товарным поездом. В результате 48 бычков, 21 мелодульный скорый поезд сошел с рельсов, за что поплатились жизнью 20 человек.

Эксперты уже давно предупреждают, что на железных дорогах царит хаос, который ведет к риску для жизни пассажиров и персонала. Главная причина катастроф прошлого года, по их мнению, в том, что скорость железнодорожных составов непрерывно увеличивается без повышения технической безопасности. Персонал железных дорог вынужден работать сверхурочно, что при усталостной технике приводит к физическому перенапряжению.

ФРГ запаздывает с введением современных, испытанных систем безопасности, каким является, например, автоматическое управление. Многие годы машинисты начинают перед управлением железных дорог на установленные автоматических тормозных устройств, предназначенных для опасных поворотов, число которых в железнодорожной сети ФРГ превышает тысячу. При этом опасные места на линии не отмечены знаками, а машинист вынужден руководствоваться только специальной книжкой, которую он непрерывно дергает под рукой, и километральными знаками, трудно видимыми в ночь и туман.

«ШТЕРН», ФРГ

9.

Когда заходит речь о сокращении иннов, каждому представляется известный борющийся Американин, столица империи иннов. Румыния, столица сокращения иннов. Вспомните, на память приедет легендарный иннов сокращения иннов. Многие иннов укрин в зоне Титикака.

Мало кто, однако, подумал бы, что иннов и это сокращение находится в замке Недина в Южной Италии. Эта история начинается в XVIII столетии, когда сын тогдашнего владетеля — Сабастиян Сераски — уехал в Южную Америку. В Перу он женился на принцессе иннов и имел от нее дочь Умину. В 1781 году началось восстание туземцев против испанского владычества. Умина тогда вышла замуж за племянника вонды Туламу Авару. Через год перуанцы были разбиты, а их вонды казнены.

Племянник, который стал наследником трона иннов, бежал со своей женой Уминой и сыном в Европу. Все трое жили с отцом Умины около 15 лет в Италии. Тулам Авару к концу этого периода был убит при загадочных обстоятельствах. Борсари опасаясь за жизнь дочери и внука и поэтому переехал в свою замку в Польше. Всюду после переезда обнаружилось иннов поспешные посланиями с ее дедушкой Недина.

Они привели ей старинные документы иннов, которые увеличивались письмами сообщениями. Это было, где в зоне Титикака потопленные сокращения иннов. После этого Умина была убита неизвестными злоумышленниками. После убийства матери молодой Антонио Тулам Авару был усыновлен дядей Вадасом Бенешем, и, очевидно, перемена фамилии спасла его от преследования.

В 1946 году потомок семьи Бенеш прочел в старых семейных архивах, что в местном уезде в закон спрятаны важные документы. В присутствии нотариуса Бенеш разобрал и нашел синюю трубу, в которую была заложена сызлая ремешком. На издании из ремешком было множество узелков и несомненно золотых пилоток. Это были знаменитые документы иннов. И сомнений до сих пор не было, что это пытался скрыть от иннов, ватен всего мира. Возможно, трудность расшифровки объясняется тем, что найдена лишь часть документов.

Сейчас это «ображение» висит на стене замка и омикает того иннов, когда Уайс открывает ящик иннов и найдет остаток документов, которые спрятаны где-то в стенах замка.

«БУНТЕ ИЛЛЮСТРИРТЕ», ФРГ

10.

В Бунос-Айресе таежная охота недавно произошла пограничную границу «единицы охоты», которые прибыли в столицу Аргентины на встречу хищника из всех стран Латинской Америки. «В Аргентине дикая охота в Бунос-Айресе коснется только животных, которые прибывают в таежные охотники, на успех случаев охоты на животных.

«СЛОВЕНИКА», ЧССР

11.

Площадь этого куска Тосканского архипелага, расположенного чуть южнее острова Эльба, составляет всего-навсего десять квадратных километров. В седьмом веке островок Монте-Кристо был прибрежной дикой. В прошлом столетии он стал знаменитым благодаря роману Александра Дюма. Немало искателей приключений бросались тогда на Монте-Кристо в надежде найти сокровища.

Недавно же это необычайное остров был объявлен националь-

ным заповедником и передан под охрану итальянскому Научно-исследовательскому совету. Решено, однако, что Монте-Кристо будет посещать не только ученые, но и туристы: в наше время наверняка найдется немало людей, которые с картой, выданной из офиса Дюма, будут обходить каждый клочок острова. Впрочем, туристы будут тогда возить только организованными группами. На всякий случай.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

12.

Недавно в печати промелькнуло сообщение о том, что обнаружены четвертый кодекс майя. Эксперты по докоумболовой истории Средней Америки считают открытие сенсационным. После покориения майя испанцами богатая рукописная литература майя была сожжена фанатичными испанскими священниками, от нее сохранились только три рукописи — дреденская, мадриска и парижская. Д-р Майли Коу, профессор антропологии и известный знаток истории майя, заявил перед показом новой рукописи в Нью-Йорке о том, что рукопись еще не была подвергнута химическим исследованиям. Однако он не сомневается в ее подлинности. По словам Коу, четвертый кодекс позволяет совершенно по-новому взглянуть на социальную структуру майя. На одиннадцати сокращенных страницах документа, который персонально, по всей вероятности, имеет двадцать страниц, изображены четыре фазы Венеры.

На странице, которую Коу датирует поздним классическим периодом между 1400 и 1500 годами, изображен бог войны, который убивает врагов и поджигает дома. Левый край картины выполнен письменно, характерным для этого периода.

«АРЕНА», ЮГОСЛАВИЯ



13.

Практически не разбиваясь защитные очки изготовила английская фирма «Итек спити» сервиз компании. Оттиска в них выполняется из стекла или пластика, а оправа — из черного нейлона. Стекла могут быть плоскими или изогнутыми. Они имеют вентиляционные отверстия и предназначаются главным образом для работы на предприятиях точной механики.

«ТЕКНИКЕ РУДШАД», ШВЕДИЯ

14.

Еще совсем недавно лучшей собакой в своей породе на американских выставках считалась та, которая была наиболее послушной, разумной и преданной любимому хозяину. Но много изменилось за последние годы. Сегодня собачники отгадывают друг от друга даже не породу, а количество труда кинологов, парализаторов, модельеров, владельцев в собор любимой собаки. Сильные мира сего, собакам как обычно, о насущных проблемах видном людей на Земле — полураздетых, полуголых — тратят огромные деньги, чтобы изобрести любимую собаку максимум бифитасом, пригласившим в винном соусе. И обид этого подается перед ответственными владельцами любимыми и психическими заболеваниями. И если оказывается, что собака занемогла, то ее здоровее всегда под охраной специальной собаки страшной компании. Кошки, диньковские попуты, свиньи, золотые рыбки, зеркала тоже включаются в этот модный бум. Короче говоря, содержание и одевание зверушки ныне занимается с нарядом деля угостительный бизнес четвероногих «курица человека» в извращенном обществу свободной американской предпринимательства превратился в область, на которой работает огромный двухмиллиардово-долларовая индустрия.

Недаром один из видных американских журналистов писал, что часто все же не американского дома подчинена интересам этих очеловеченных зверушек. Не потому ли — восклицает журналист, — что люди стали куда менее телло относиться друг к другу, чем относятся к животным!

«ФОРЕС», США

Глава 17. ФИЛОСОФИЯ ТУПИКА

Дорон стоял, засунув руки в карманы плащадка, и медленно обводил присутствующих взглядом. На его лице не было ни страха, ни выражения агрессии, оно было спокойным и чуть усталым. По всему чувствовалось, что пришла Коэлин. Недостатком его ощущалось во всем обилие, уверенной позе, в нахмуренных бровях и мудром выражении, полном озобоженности. Кажется, он открыл сейчас рот и скажет: «Ну, что вы тут без меня творили, шенки школьные, лупить вас некому!»

Ауди в комнате пребывал в состоянии потрясения. Гара и Таратура — от неожиданности, профессора и Дина Динст — от привычного подобию перед шефом, которого они видели, вероятно, так же часто, как затмение солнца, а Сози — просто за компанию, глядя на остальных и подтверждая существование небезызвестного феномена науки.

Выждав несколько мгновений, Дорон вошел в комнату, нажал какую-то кнопку, и книжный шкаф без звука встал на прежнее место. Но этот шаг генерала был как шагот с пьедестала в общество равных ему людей, и Гара пришел в чувство.

— Господи генерал! — сказала он слышим от волнения голосом, но достаточно четко, — я не скрою удивления вашим появлением, но если вы действительно шеф данной организации, я вынужден вас арестовать.

Пистолет в руке Таратуры аргонич, чуть приподнялся и замер, надеющийся в грудь генерала. — Визу, — спокойно сказал Дорон. — Я тоже не думаю, что, поручив нам безбедный розыск мальчика, приговорило себе столь принятую встречу. Поздравляю, комиссар. Что касается ареста, то, как член Тайного Совета, полагаюсь на неприкосновенность, и это должно быть вам известно. Так, комиссар?

— Нет, не так! — окрикнул голосом сказал Гара. — Статья 274-я, пункт 7-й «Уложенно о задержаниях» дает мне право арестовать любого человека, независимо от его чина и должности, если он застигнут на месте совершения преступления. — Во-первых, — с улыбкой возразил Дорон, — вы меня здесь застали, а я сам сюда явился. Во-вторых, почему вы считаете преступным, то, что здесь происходит?

— Да мне это бесспорно, генерал. — Вы никогда не отличались торопливостью, но изменяете себе и на этот раз. Дорогая, — Дорон повернулся к Дине Динст, — вы как-то странно выглядите. Приведите нервы в порядок и дайте нам бутылочку стерфедра. Вам, господи, — Дорон посмотрел на профессоров, — тоже досталось от комиссара? Я с удовольствием отступил бы с вас из этой комнаты, но комиссар, вероятно, будет против, а потому присядьте в кресла и подждоите своей очереди. Вы Таратура? — Генерал внимательно оглядел инспектора. — Так я и понял, хотя ваш мундир выдает несколько современней, чем следует. Надеюсь, вы понимаете тему. Пожалуйста, будьте осторожны с пистолетом, с ним шутить как раз не стоит. А с вами, милочка, мы не знакомы.

— Сози Бейя! — словно заговорил автоматический, произнесла девушка и сделала кивок. — Дочь Эмонта Бойа? — воскликнул Дорон, обнаружив фамилию владельца на имене и фамилии. — Очень приятно! Вот и пришла, что вы служите в полиции? С вашим отношением к вам связывают кое-какие мысли воспоминания...

Он даже взмрунул подбородок и посмотрел на потоп, как бы прокрутив в своей памяти то, что было связано с отцом Сози Бейя. «Ну и актер!» — подумала Гара. — Таалантливый! Комиссар уже окончательно взял себя в руки, раскрутил по началу см. в №№ 1-9.

гашую сигарету и взглядом показал Таратуре, чтобы тот отошел к дверям и держал в поясе оружие всю компанию.

— Ну что же, комиссар, — произнес Дорон, по-кончик с воспоминаниями. — Не пора ли нам сесть и поговорить открытно, тем более что обстоятельства вполне благоприятны? Прошу.

Он первым сел, нет, не развалился, а именно сел, строго и аккуратно, как полагается военному, в кресло. Рядом, на низком журнальном столике, уже освобожденном от газет, повисла бутылка стерфедра и пара бокалов — Дина Динст действовала быстро и бесшумно, как хорошо вышколенная прислуга.

— Я не хочу, комиссар, чтобы разговор велся в форме допроса, меня устраивает беседа, и потому позвольте мне начать первым. — Дорон налил в бокалы вино, сделала малайский глоток и жестом пригласил Гара сделать его примеру. — Прежде всего, если вам не успели сказать, я коротко изложу суть дела. Вы видели наших пациентов?

— Да, — сказала Гара. — Вам объяснял смысл нашей работы?

— Нет, — сказала Гара.

— Напрасно. Это успокоило бы вас. Дело в том, что мы готовим повторный Марса.

— Не понял, — сказала Гара.

— Но я еще не все объяснил, — улыбнулся Дорон, делая очередной глоток стерфедра. — Мы пришли к выводу, что проще изменить структуру человеческого организма, чем изменить структуру планеты. Люди, прооперированные нами, способны жить в марсианских условиях без охранительной аппаратуры и скафандров. Собственно говоря, они уже сейчас так живут, ведь Купол — это точная копия Марса...

— Простите, генерал, — сказал Гара, вставая. — Есть одно внеочередное дело, решение которое мы сможем проложить нашу беседу. Я прощу вас, если слово «прошу» вам приятнее слышать, чем «требую», немедленно вернуть мне Майкла Честера — сына журналиста Честера.

— Да, мне докладывал о главной причине вашего появления в «зоне», — спокойно сказал Дорон. — Охотно выполню вашу просьбу. Если это возможно, — добавив он через паузу, — Дорогая, в какой стадии проект?

— В стадии «С», — быстро ответила Динст.

— Не-а! — Генерал почмокал губами. — Профессор Яши, возможно что-нибудь сделать?

— Из стадии «С», господи генерал, никто не возвращается, — доносился из угла безстрастный голос.

У Гара упало сердце.

— То есть как это, — сказала он, — не возвращаются!

Дорон отодвинул недолгий блок стерфедра, взял сигарету из гардовой лачки и закурил. Дина бросила на него тревожный и удивленный взгляд, потому что никогда не видела генерала курящим. — Видит бог, — со вздохом произнес Дорон, — я бы вернул ребенка, но... есть вещи, которые сильнее нас. Такие процессы, как смерть или распад личности, необратимы. Производимость у нас операции относится к их числу.

Возникала напряженная пауза, в течение которой Гара пытался осмыслить услышанное.

— Значит, аудио, — сказала он, — находились под Куполом, не могут не-попа, нето выйти? Никогда!

— Они уже не люди, — тихо ответил Дорон. — Они не дышат земным воздухом, не едят валюту иши и не пьют нашу воду. Единственное место, пригодное для их жизни, — Купол. Такая реальность, комиссар, с которой и вы и я вынуждены считаться.

— Их нельзя освободить! — Освобождение этих существ в том смысле, в каком это понимаете вы, приведет их к неминуемой смерти.

— Но ведь это чудовищно! — воскликнула

Гара. — То, что мы сделали, хуже убийства! Вы оторвали их от семьи, подвергли калечащей операции, обрекли на вечное заточение! Вы лишили их Зема! Какой нормальной рассудок способен это понять и оправдать!

— Успокойтесь, комиссар, и высуните меня! — Дорон тоже повисла голос. — Давайте разберемся по порядку. Во-первых, у нас есть взрослые люди, которые дали добровольное согласие на операцию.

— Не верю! — перебил Гара. — Вы их принудили, или обманули, или...

— Мы их купили, комиссар, — открыто сказал Дорон. — Ну и что из того? Мы заплатили их семьем больше денег, получили взамен не просто глаза, сердца или почки, которые, как вы знаете, сегодня продляются и покупаются во всем мире, как обыкновенные овощи, а людей целиком. Это просто дороже стоит.

— Но дети? Вы же их крали!

— Да, крали. В тех случаях, когда были уже очень плохонкие экземпляры, а контакты с родителями нам установить не удавалось. Но большинство детей мы покупали, помните это, комиссар! Они были проданы нам под прикрытием рожки зрения!

— Боже мой! — сказала вдруг Сози, и генерал резко повернулся в ее сторону.

— Вы еще ребенок, мой крошка, чтобы разбираться в жизни, — сказала Дорон. — Спросите у комиссара, сколько тысяч родителей оставляют своих младенцев на пороге родильных домов и благотворительных учреждений!

— Вы интуитивно обстоятельство, — сухо сказал Гара.

— Меня тоже. Или вы считаете, государство необходимо менее уважительному, чем семейному?

— Мораль не оправдывает таких родителей, которые относятся к ним с пониманием. Уже хорошо! — парировала генерал. — А что вы скажете по поводу тех случаев, когда родители сдают детей в круглогодичные интернаты? По пять, по десять лет дети живут в задохливой камере, и глаза не видят папани и мамани, но господа морали и да же господи закон не осуждают таких родителей! Скажите, крошка, у вас повернется язык назвать их выродками?

— В ваших словах звучит желание оправдать, — сказала Гара. — Вы сами понимаете противоестественность содеянного!

— Нет, Гара, я не оправдываюсь, я просто хочу убедить вас не делать глупости. — Дорон внимательно посмотрел на Гара, затем поочередно ошупал взглядом всех присутствующих. Он явно чувствовал себя на конке и хотел проверить по выражениям лиц окружающих, так ли это, или его правдивость — кажущаяся обманчивая, не соответствующая истинной расстановке сил. Оставшись довольным сделанным обзором, Дорон продолжал: — Вы говорите, Гара, что мы каемичи детей. Звучит странно, но так ли обстоит дело в действительности? Совершили ли мы преступление, делая операцию? Следите за моей мыслью. В свое время существовали компраниясы, которые, кстати, находились под покровительством одного из английских королей, забыла его номер, но это стоило валюты. Папы римские тоже не безгрешны их усугубили...

— Вы хотите сказать, генерал, — сказала Гара, — я уступил вам, отказавшись от допроса, уступил и вы отказавшись от популярной лекции.

— Я не выглаживаю спасительных минут, комиссар, — спокойно произнес Дорон. — Ничего не поделывайте, охотна по-прежнему паветуку, и ей в голову не придет спуститься сюда без вызова. Вы можете позволить себе роскошь высунуть меня, что, кстати, в ваших же интересах.

— И же же же генерал, прошу вас, покороно. — Дорон сощурил глаза. Интуиция, которую он теперь держал в руках, позвала ему оценил

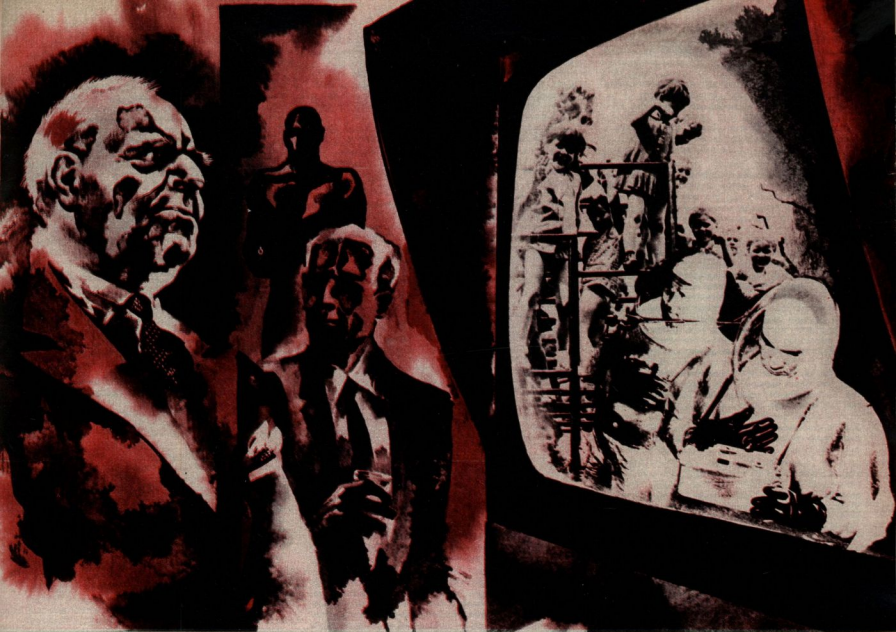


Рисунок Валерия КАРАСЕВА

слова Гарда как дерзость, а дерзостей он не любил. И не прощал. С каким бы удовольствием Дорон комиссаршике полиции! Увы, такой момент еще не наступил, не говоря уж о том, что Таратура с каменным и совершенно непроницаемым лицом стоял в дверях с пистолетом в руке, а плуг этого «кретина», как мысленно назвала его Дорон, была пока еще сильнее и убедительнее всех слов.

— Хорошо, — сказала генерал, — я постараюсь. Я хотела лишь заметить, комиссар, что компрачкосы самим фактом своего существования должны побуждать нас задуматься над двумя вещами: законы не всегда осуждают их, а что касается морали, то и это штука весьма и весьма относительная.

— Мы живем в двадцатом веке, — сказала Гарда, — и я могу напомнить вам, что суд в Нюрнберге покарал фашистов за опыты над людьми.

— Ах, комиссар, — возразил Дорон, — Терпимость по отношению к компрачкосам в принципе кажется мне более справедливой.

— Не могу согласиться с вами, генерал. Увы, именно поэтому вы никогда не будете президентом и даже министром внутренних дел. Вы не умеете принимать бесплодные решения.

— Полагаю это своим достоинством, а не недостатком.

— Как звать? Но ладно, — сказала Дорон, — оставим наш историко-политический спор. В конце концов я не фашист и тем более не представляю компрачкосов. Я просто взяла максимум, чтобы вам легче было оценить минимум. Ведь дети, входящие у нас, отнюдь не жертвы компрачкосов! Они физически и психически здоровы, не уроды и даже не неврастеники, как многие дети в метрополи. Синий цвет кожи? Ну и что? Есть люди с белой, желтой, красной, черной кожей — никого это не путает. Видать, я далеко не расист. Так о каком калачени вы говорите, Гарда? Что преступного в самом факте операции, которая не более болезненна, чем удаление аппендиксита?

— Не верю, генерал, — жестко сказала Гарда, —

У этих детей психика не может быть нормальной.

— С чьей, простите, точки зрения? С вашей? Но, с точки зрения этих детей, ваша психика тоже кажется изуродованной! Вопрос чрезвычайно сложен. Оба мы, вероятно, сойдемся на том, что у здешних охранников — душа щепной собаки, так?

— Что верно, то верно, — согласился Гарда.

— А ведь никакой операции они не подвергались! Это жизнь, обыкновенная жизнь нас всех оперирует. Согласитесь, комиссар, с тем, что главное — синхронизировать человеческую психику с конкретными условиями жизни, чтобы, не дай бог, не было патологического рассогласования, так?

— Пожалуй.

— Утверждаю: у наших прооперированных детей психика полностью соответствует условиям, в которых они сейчас живут. И, следовательно, заверить, эти условия ничуть не хуже, а даже лучше тех, в которых живут десятки и сотни тысяч детей за пределами «зоны».

Подождите, комиссар, не торопитесь, — остановил Гарда генерал, уловив его желание возразить. — Я сам скажу, что вы думаете. Вы хотите сказать: они заключены в тюрьму и не могут покинуть Кулол? Но миллионы крестьян никогда не покидают своих деревень, насколько от этого не страдают! Для наших же обитателей «зоны» скоро раздвинется до размеров целой планеты... Вы хотите сказать: они несчастны? Лишены земных благ? Проживают в тоске по «родине», не зная любви, не ходят на бег и не играют в азартные игры? Дорогая Дина, доставьте любую кассету из цикла Ф-15! Посмотрите, Гарда, дестимульный фильм из жизни «засториков».

Эти пленки не проходят отбора, потому что они не предназначены для посторонних глаз. Вы можете не верить. С вашей пронциентальностью вы и без моей подсказки легко отличите инсценировку от документа. Смотрите, комиссар, как чувствуют себя ваши подзащитные!

Дорон, выключив свое красноречие, театральным жестом показал на уже светящийся экран телевизора. Пошла кадры. Знакомые комиссару сине дети. Вот они учатся, вот читают, купаются в бас-

сейне, обедают, показывают друг другу язык, спорятся, проказничают, упражняются в гимнастическом отягощении. То и дело среди них появляются взрослые люди в скафандрах, — к ним дети относятся спокойно и привычно, как к воспитателям или учителям. Мелькнула лысина профессора Янша в прозрачном стеклянном колпаке. Съемки длились, с академической протокольной точностью фиксировали все происходящее и важное и несущественное. Автоматический оператор с такой же скрупулезностью, добросовестностью и бездумием мог бы снимать поверхность бактерий на предметном столике микроскопа или рост кристаллов в автоклаве.

Гарда оторвал взгляд от телевизора и огляделся. Он не знал, явля ли абсурдность ситуации поколебала на мгновение реальность происходящего. Неужели это слухи Дорон, и на столе перед ним — стерфорд? А это — Дина, идеальное поглащенное действом на экране! И девушка в купальном костюме, на коленях у которой почему-то лежит полотеица? А там, у дверей, — Таратура с пистолетом в руке? Это он, не мягая, смотрит фильм? И эти два профессора, присогнавшиеся и гордые, словно только что совершившие подвиг, они тоже существуют? Как и сам Гарда?

А на экране течет чужая, неправдоподобная и между тем потрясающая нормальная жизнь тех, кто уже не может называться людьми, кто вырван из этого реального мира. И тихо вокруг, ни звука, кроме детских голосов, идущих с экрана, как-то неясно-квакшащих, неслезных, непонятных, вероятно, синхронизированных с новыми условиями жизни, как сказала бы Дорон...

— Чужь какая-то! Абракадабра! В которую это, Гарда, человек нормального и умного, насколько

заставляют верить.

— Убедались? — спросил Дорон, словно подслушав гардовские мысли, когда Дина выключила телевизор.

— Я уже видел один фильм, — сказала Гарда, — У тех детей было выражение ужаса на лице и плавящиеся походки, они ели какие-то ленты.

Дорон поднял глаза на Дину:

— Вы показали историю, фильм из цикла Ф-8? Не все так просто, комиссар. Те дети оказались еще в первых трех стадиях, от «А» до «С», но в конечном итоге... Разве они выглядят несчастными? — Нет, это, пожалуй, страшнее всего. — Что люди ко всему привыкают? Что смиряются с самыми невероятными условиями жизни? Но ведь критерий счастья — в человеке, а не вне его! Езая им хорошо, то почему вы за них должны Езаять злость?

— Простите, генерал, не могу и тут с вами согласиться. Это же дети, несмышленыши! Мы, взрослые, определяем для них меру счастья и невзгоды. И то, что над ними совершенно насильно, что их человеческую жизнь заменяет искусственной... преступно!

— Вы слабый философ, Гард... со вздохом произнес Дорон.— И, как мне кажется, плохой педагог. Какой ребенок сам себя формирует как личность? Разве мы, воспитывая детей, не исключаем их волею, разве спрашиваем, какими они хотят быть? Конечно, психо-физические задатки у всех людей более или менее разные, ну, так и марок стаей сколько угодно! Важно то, что общество заинтересовано в стандарте, и оно добивается этого с помощью законов, наказаний, поощрений. Мы ищем психологов детей, как рамы автомобиль. Я, как и вы, тоже продукт общественной технологии, но мы же с вами не кричим на всех детей и наших членов вурдалаков, что когда были детьми, подвергались насилию! Почему же вы, комиссар, наше оригинальное вмешательство в формирование личности считаете преступным, а старомодную и даже не совершенную методологию общества — прамерной? Уж будьте логичны, Гард!

— Да, я могу согласиться с вами, что общество несовершенно. Но из этого вовсе не следует, что, покаяясь его несовершенству, можно творить всеобщий черт знает что! Этим мы оправдем и убийства, и кражи, и изнасилования, даже то, что позвонило себе вы и ваш профессор.

Дорон был потрясенно терпелив! — Скажите, комиссар, вы никогда не задумывались тем, почему вас, собственно, держат в плену?

Гард удивленно посмотрел на генерала.

— Нет, не задумывался... констатировал Дорон.— А ведь вы при всей своей ортодоксальности противительное естественному хоуу вещей...

— Ну, своей старомодной рыцарской честностью, жаждой справедливости, желанием покать зло... Кому это все нужно? Вы нам мешаете, Гард, вы нас терпите! Почему, спрашивается? Да потому, что вы несправедливо к нам относитесь, нам должна быть справедливость в малом, чтобы создавалась община видимость справедливости. Должен быть кланов, дорогой мой Гард, чтобы мир не превратился в хаос. И вы, карая маленькое зло, покарываете зло Большое. Вот ваша истинная роль, как бы горько вам ни было это слышать. Поэтому вас и держат в плену, а не погон вы, хотя вы по несвоейности своего характера, вы уже настолько выходящий за рамки мороза... Вам кажется, что вы стоите на страже закона? — Гард подлавлено молчал... — Что без вашего участия общество превратится в джунгли? Навяный вы человек! В своем мудрею порядочности стоите вы сам против себя. И оттого оправдываете? Давайте исходите не из того, что преступно в этом мире и что не преступно, а из того, кто из нас сильнее. В данной момент сильнее вы... вот вы и приходите сюда убеждать... Давайте исходите из того, вы видите на то, что вы умный человек и понимаете, что в конечном итоге тлетяется со мной вам будет трудно. Теперь... к делу. Уж больно мы заговорились.

Дорон уже был полным козырным положением, это чувствовалось все. Пистолет в руках Таругару выглядел перчатком прошлого.

— Что к хоуу от вас? — сказала Дорон, словно Гард был его машинисткой, а он собрался продиктовать ему некой текст. Я хоуу из врата превратился в бес притоа в постороннего человека, а в своего единомышленника.

— Скорее в соучастника... мрачно сказала Дорон.— Об этом я уж не мечтаю! — улыбулися Дорон... в таком случае, я думаю, чтобы вы предложили три цели, ради которых стоило бы эксперимент. Думаете, у меня не было сомнений — запустить его или не запустить? Был. Но если бы не я начал это дело, начал бы кто-то другой... Инициатором и исполнителем, распределением функций, овладение новыми энергетическими источниками, словом, то, что демоаги и журналисты называют победой разума.

— Во имя чего? — спросил Гард.

— Во имя прогресса! — торжественно ответил Дорон.— Разумеется, есть и личный аспект, мой собственный, но он вам понятен: человек, осуществивший такую программу, становится полноправным козырным, по крайней мере колонизаторной планеты. И если вы не против, я бы хотел, чтобы какой-то человек касался наших будущи марсан. Эти люди, не попадаю они к вам, были бы простыми клерками, рабочими, рядовыми интеллигентами. Они бы бы рутинные задачи, имели бы рутинные радости и огорчения, а в конечном итоге к ним пришло бы полное, грубовое забвение. Теперь же их ждет судьба первых колыонистов — суровая, трудная, но прекрасная и героическая. Их имена будут рутинные, имена бы в истории, и вы сам согласились быть среди них, если бы не земные заботы. Вот почему, кстати сказать, и наша дорогая Дина отдала своего ребенка профессору Линуу...

Гард потрясенно искивнул на Дину глаза.

— Хорошо... сказал он. — Тогда объясните мне, генерал, почему вы так страстно желаете сделать меня единомышленником?

Дорон پاسخ с паузой.

— Вы хотите спросить, чего я боюсь? — произнес той же неспешной интонацией Дорон, которая преследовала Гарда в этом «эпосе сурового шага».— Извольте. Я боюсь разгласнения моего тайны, но вовсе не среди широких масс народа. Тут я еще рассчитал: народ мне не помешает, а среди высшего разума я могу оказаться в плену. Я боюсь разных себя, комиссар! Потому что, узнав об этом деле, они начнут меня бояться. И сорвут эксперимент.

— Что же тогда будет? — спросил Гард.

— Плохо будет... с необычайной простотой ответил генерал.— Они приведут в действие тот самый формальный закон, который вы олицетворяете, и посадят меня в тюрьму, благо кое-какие формальные основания для этого есть. «Звоны они признавали, подает между собой, у нас будет не один шеф, как сейчас, а десятки их попарно. Раим просто ее уничтожат, если не смогут договориться это очень легко сделать — нажатием одной кнопки. Но как бы там ни было, сорвется эксперимент, если осуществятся, мои пациентам нет дороги ни Землю, либо на Марс, либо на тот свет, либо вечное заточение в этом инкубаторе.

— Нда... сказала Гард.— Ну, а в тут при чем?

— От вас зависит решение вопроса. Уничтожить вас с собой, но простите за циничное признание. А живой вы нужны мне как единомышленник. Безвозмездное положение, комиссар!

— Туттик

— Да, туттик. И у вас тоже.

— Он умолял.

— Ну, конечно, как никогда... признался через некоторое время Гард.— Увы, генерал, единомышленник из меня все же не получается, хотя вам трудно отказать в логике. Я плохо спорна с вами, но не потому, что был согласен. Обществу, в котором я живу, да такой степени несовершенству, что не поддается никаким убедительным аргументам против мракобесия. Больше того, оно скорее аргументирует ваши доводы, чем мои возражения. И вот почему, хотя вы существование и а идеалом свое черное дело. И мне, конечно, было бы выгодно в тушке, генерал! Я ничего не могу сделать ни с своим обществом, ни с вами, а способствую на маленькое конкретное дело, а оно законно, оно имеет право, оно является счастливым обитателем Куполо. Это пятнадцать детей, в числе которых сын моего друга и ребенок Дины Динист.— вышит заложники. И не только ваши! Они

как бы заложники всех пороков нашего общества — а даже это понятие, генерал, но я на что-то надеюсь, искала лазейку, позволю ли мне вырваться до конца... — Гард подшла к столу, взяла бокал и одним махом опрокинула его содержимое в себя. Затем сказала, смеясь поморщившись: — Ладно, давайте исходите из того, что мир все же будет опознано о случившемся.

— Как вас помянуть? — резко спросил Дорон.

— Задсь бы журналист Честер... усмехнулся Дорон.— А теперь, как видите, его нет...

Гард молча вынул своим ушами, острейшим огладедс вокруг, словно хотел убедиться, что Честера действительно нет, и вдруг с силой удерживая кулаком по столу. Бутылка стерфорда, подпрыгнув, перевернулась. Но уже в следующие мгновения Дорон смеялся, да, он смеялся!

— Какой прекрасный, но чрезмерно глупый хоуу! — проговорила он сквозь приступ смеха.— Ну и кощовка! Надеюсь, вы понимаете это, комиссар? Теперь-то вы согласны с тем, что в интересах того же маленького Честера старшему Честеру следует молчать?

Гард стола, складыв голову, словно ему на замылок тяжело давила чья-то рука.

— Это реко, меняет ситуацию. Давно уже Честер?

— Что вы хотите предложить? — спросил Гард.— Догнать его. Вернуть.

— Уговорить молчать? — сказал Дорон.— Я гарантирую вам безопасность, я сделаю его и вашу жизнь безбедной...

Гард был уверен, что Честер, генерал... перестанет молчать, что, увы, он не поддается на ваши уговоры.

— Так... — Дорон хрипнула пальцами рук, затем произнес, как бы говоря сам с собой: — Раз-таки, мой друг, я никак не смогу, есть нечто другая страна. Но дело даже не в этом. Члены Тайного Совета все равно узнают... Так. Вы можете сказать мне, где будет находиться Честер?

— В мой округ... — коротко ответил Гард.

— Как вы старомодны! — поморщился Дорон.— Ладно, позвольте мне отдалть наверх кое-какие распоряжения.

— Какие именно?

— Ухоу помощь вам и вашим спутникам как можно быстрее оказаться на материке. Только вы, комиссар, способны остановить Честера, потому что вы понимаете, как это необходимо ему же, и только вы знаете, где его можно найти. Выходите сейчас же с этой тушки. Если вы действительно хотите сохранить жизнь детей...

Глава 18. А ЖИЗНЬ НЕ СТОИТ И ЛЕММА...

- Линад! Это Динда.
- Сашшу.
- Известно есть?
- Увы.
- Знаете, я сбился с ног.
- Ах, Динд! — Тот звонил!
- О Фред! Вы назвались.
- О Фреду никому не слова. Вы слышите, Линад?

- Сашшу. Скажите мне правду о Майкае.
- Нужно держаться, дорогая.
- Могу повторить: он жив. Остальное потом.
- За что вы меня мучаете?
- Я познано позже.

Честер как в воду канул. Он мог вернуться в Нью одновременно или чуть раньше Гарда, но розыск, организованные комиссаром, дали пока нулевой результат. В конце концов Фред должен был вернуться домой или хотя бы позвонить жене, и Гард уже в пятый раз беспокоил Линуу.

Конечно, Честер, молодчина, он прекрасно сконспиривался, понимая, что имеет дело с опасным противником. Но если он знает, что Гард уже знает, как добраться до комиссара Гаупа, а если он думает, что Гард еще в «эпосе», давно пора поднимать тревогу. Впрочем, не исключено, что Фред еще сам не сбился с острова. А вдруг он застрял в трубе, сидит так со своим Шлоком и ждет? Или, может быть, что еще хуже, и помощник не ждет!

Комиссар не шел, что Шукч возобновился. Волею квартиры Честера, перед входом во все было выложено на полу, как на аэродроме и в Доме Преступления — всюду были расставлены посты, держали прямую связь с дежурным по управлению. Сам комиссар объездил на машине

любимые и наиболее посещаемые Честером кабинеты, бывавшие даже в «Указующем пересте», с которым Дард разругался больше года назад.

Таратура была оставлен на острове: ядурт Честер едет там и ему понадобятся кака-нибудь подпорки. Сюзия находилась с инспектором, и Гард был сложен хотя бы за то, что сведения о «звоне» нигде не просочатся.

В чью-то дверь позвонил Дорон, тогда нервничавший в Нью. Словно отчитываясь перед Гардом, он сообщает, что его люди проверили списки людей, покинувших за последние сутки страну, но фамилий Честера не обнаруживают.

— Вы сами проверяете, — сказала генерал, — это еще ни о чем не говорит.
— Проверьте трубу, через которую «зона» сбрасывает воду в море, — посоветовал Гард после некороткого раздумья.

— Вот как! — сказала Дорон. — Хорошо, проверим.
— С участием Таратуры, — добавила Гард, — Я дам ему соответствующие указания.

Еще через час Дорон сообщил (через минуту это стало известно Таратуре), что в трубе «звон». «Слава богу», — поудала Гард.
— Он не мог покинуть «зону» еще каким-нибудь путем? — спросил Дорон.
— Нет, лучше знать эти пути, генерал, — ответила комиссар.

В четверть шестого раздался звонок из канцелярии президента.

— Говорит Джекобс. Вы, Гард?
— Конечно.
— Так я и думаю. Будете здорвом.

И трубка дала отбой. Гард немедленно соединился с Джекобсом и сидела старика, чем вызвал его странный звонок.

— Интересно, — отозвалась секретарь президента. — Какой-то сумасшедший или подвыпивший вельскал сообщил мне по телефону, что вы поехали на острове Холмосток в трудное положение, что вас нужно выручать. Как вы понимаете, комиссар, я благодарна вам за то, что вы в Нью.

«Это, конечно, Честер... Но жбоже мой», — поудала Гард, — как он неумело действует!»

— Интересно, — переходя на шутливый тон, сказала комиссар, что бы вы делали, не оказавшись я на месте?

— Раскопалась бы на свечку, — митвенно ответила Джекобс.

— А свечку? — спросил Гард.
— На две свечки!

Да, старину Джекобса голыми руками не возьмешь.

— Анди! Анди!
— Да-да, я слушаю.

— Не помешал?
— Напротив, что-нибудь случилось?

— Это? Отпыт звонка.
— Носовой отпор?
— Мне надоедо. Ничего, если я скажу, что Фред приехал?

— Анди, он действительно приехал?
— Я так скажу, чтобы он отстал.

— Лучше не обращай внимания.
— Анди, я увижу Майка?
— Он жив, и это все, что я могу вам сказать.

Вскоре позвонил Дорон:
— У вас есть новости?
— Присылайте, — генерал, — сказала Гард, — Оставьте в покое Линдот Честер. Она уже на предле. Ваши люди ее замучили.

— Хорошо, я поудаму, — сказала генерал, — А...
— Никаких! — перебила Гард.

— Абсолютно.
— Давайте договоримся о главном, — произнес Дорон металлическим голосом. — Или я могу вам дозволить, или не могу. Ситуация не терпит неясностей в этом вопросе.

— Я к ваммилу услова, генерал, — сказала Гард, — Почему вы не сообщайте мне о звонке из канцелярии президента?

Гард не сразу вылезает, что ответить.
— Но вы и так знаете об этом, — сказала он через паузу.

— Разумеется! Ведь анонимный звонок Джекобс-у моему организую!

Гард принялся сделать еще одну паузу.
— Вы проверяли меня, генерал?
— Отдаю долг вашей уважительной догадливости.

— Благодарю за комплимент, — сказала Гард, — Откровенно говоря, я хочу сам иметь дело с Фре-

дом Честером, а уж потом должать вам о результатах.

Дорон не ответил.

Ночью Гард был в управлении, поддерживая связь со всеми постами. Уже не в первый раз, работая как бы заодно с Дорном, он одновременно действовал против него, оберегая от генерала предельно объем работ. Это, правда, создавало большие трудности, поскольку комиссар «простреливалась» с двух сторон, занимая все ту же «крутую оборону»: там, где была его люди, непременно находилась лапа Дорона.

Читая возмани, как не хватало комиссару Мердока?

Таратура больше не была смысла торчать на острове, и Гард отдал ему распоряжение возвращаться домой.

— Чего спрашивает комиссар?
— Вымест, — сказала Гард, поудаму о том, что Сюзия Бэйла с большим успехом сохранит тайну, если будет при Таратуре.

В семь утра в полицейское управление приехала Дорон. Без предупреждения. Даже без выяснения того, на месте ли комиссар. Невероятно, но это так: член Тайного Совета лично посетил комиссара Гард! Он вошел в кабинет, даже не взглянув на охранника, который сидел за столом. Гард утренний выпуск «Все новости» — деловой газеты, издающейся на средства подписчиков.

— Первый ход сделан, — резко произнес Дорон, — Важно не допустить второй. Гард увидел громадный залоголок, шпатель стоящий на полке: «Вспринте моего Майка!». Быстро пробежал глазами статью, комиссар понял, что это, собственно, даже не статья, а анонс к ней, сделанный вторично, на одном издании. Честер, по всей вероятности не имея времени на тщательное обдумывание материала, он просто кричал! Кричал о том, что его маленький Майка живет на острове Холмосток в таинственной «зоне», возглавляемой завистливым «эфремом», что у большого мальчика синяя кожа, что ему и многим другим детям, находящимся под зловещим Кулолом, сделана операция, и что он, Фред Честер, собственными глазами видел «заеденную душу» картинку, которую сейчас существует перестать верить в достоверность. О том, как был украден Майка, как нашел его Честер и с чьей помощью, что представляет собой Кулол, что за профессора, орудующие в «зоне», и прочие подробности, газета не успела даже прочитать и складывать на столик. Тут же следовала призыв: «Подписывайтесь на нашу газету!» А под призывом была опубликована в цвете фотографии ребенка с синим лицом; ребенок жевал булгуляную ленту и смотрел на читателя излом, полным ужасом. Это было, конечно, умелачиван и матрированный кадр из фильма, унесенного Фредом из «зоны».

— Мне удалось блокировать часть тиража, — сказала Дорон, — во дело теперь не в этом. Люди уже знают. Со слухами даже и бессилен бороться. Впрочем, положение пока не столь катастрофическое...

— Минуту, генерал.

Гард взглянул на схему постов, вызвал по секрету «деловитого» и спросил его, как получили, что Честер вошел в здание редакции незамеченным.

«Не хватало, комиссар, — ответила «деловитая». — Если бы Честер не сделала себе пластичности операции, то не вошла!»

— Хорошо, — сказала Гард, — Удвойте внимание.

— Я слушаю вас, генерал.

— Меня есть возможность, — энергично начал Дорон, — проверить оборудование Честера. А если в розмрыт, либо в бред сумасшедшего, либо в истинно научно-фантастического рассказа. Но дальнейшее разоблачение вашего друга, его следующие публикации...

«Какие разоблачения?» — поудала Гард, — Фреду ничего же не известно... Правда, с ним Шэк, но много ли знает рядовой электик? Вы «синих» людей, образ жизни, какие-то случаи, истории, слухи и слухи, — выманил профессор, некто-то знает, — выманил профессор, некто-то знает подробности о Дине Дитрих, — что это? Впрочем, и это не мало...»

— Дини выпущен из бутылки, — сказала Гард, словно бы подвывая черту под своим размышлением.

— Чепуха! — воскликнул Дорон. — Это все улажу. Мне важно, чтобы Тайный Совет не узнал истинных целей эксперимента и чтобы мое имя нигде не фигурировало. Кстати, ваше имя тоже пока не вышло. Генерал, пожалуйста, отдал распоряжение: — Скажите комиссару, что знает и что не знает Честер? Я задаю глупый вопрос? Возможно...

— Он не один, генерал, — сказала Гард.

— Да, я знаю, с ним ушел сотрудник «зоны»:

Но есть сведения, которые недостаточны даже Динит! Буду откровенен с вами, комиссар. Если бы я мог убрать вас всех одновременно, и бы так и сделал, и конечно бы Уин, я понимаю, что Честер гарантировал вашей безопасности, как вы и его. И еще это вот Таратура с девонкой. И мой сотрудник Шэк... («Ни при каких обстоятельствах», — поудала Гард, — нам нельзя оказываться всем вместе!») Короче говоря, я продаю, Дорон, — я вновь противнику вам руку, комиссар. Действуйте! Теперь все зависит от вас. Уговорите Честера замолчать! Вы-то, надеюсь, помните, что его болтовня приводит к гибельм дураком с линдотом! Мне их не жалко, они уже не люди, но все!

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказала Гард, вставая. — Но именно я сделала, генерал. Не вы.

Через два часа у входа в редакцию «Все новости» группа, возглавляемая Таратурой, спокойно и аккуратно взяла Шэка. При задержании электик произнес только одну фразу, и то лишь тогда, когда ушел за рулем машины инспектора Таратуры: «Хорошо, что это так, черт возьми!» Когда его привели в управление и ввели в кабинет Гарда, он был совершенно невозмутим.

— Сначала я узнала, — сказала он, — что ребята от шифра, даже испугала.

— Да, конечно, но вы шифр? — удивилась, спросил Гард.

— Черт его знает! — ответила Шэк. — Но Дорон! Комиссар оповестил:

— Скажу у вас такие сведения!
— Фредик сказал. Он парень головастый.

— Анди?
— Анди! Боже мой, куда вы запропастились! Я с вами схожу, а вам...

— Анди...
— Как будто меня не существует! После этой ужасной статьи, после фотографии, — как вы могли, Анди! Неужели это мой сын!

— Что они сделали с Майкой? Я не узнаю его! Куда мне идти? Где это Кулол? Я немедленно...

— Анди!
— Но что я могу сделать одна? Бедная, несчастная женщина... Где Фред? Если он печатает статью, то почему...

— Анди, дайте хоть слово вымогните!
— Черт его знает! От каких пор вы будете морочить мне голову!

— Успокойтесь, Анди! А Фред — вот он, рядом. Можете с ним говорить!

Дитрих кончаясь походкой вошел в кабинет Дорона.

— Ну? — коротко спросил генерал.

— Сожалено, но... Гард исчез.

Дорон молча смотрел на Дитриха.

В четырнадцать двадцать семь он вышел с Таратурой из управления, — продолжала секретарь, — и мы его потеряли.

— Прекрасно, — сказала генерал, — Честера еще не видели, а Гарда уже упустили. Представить вхок к орманам!

Дитрих не повелевался, выражение его лица не изменилось. Казалось, никакие чувства не были ведомы этому человеку: ни страх, ни сострадание, ни ненависть, ни любовь. Автомат, все сила которого — в бездумном автоматизме. Но Дорон, видимо, по каким-то совершенно неуловимым причинам понял, что тот сказал еще не все.

— Ну? — снова произнес генерал.

— В шестьдесят четыре метре Гард звонил же не Честера. Сначала он сам говорил с Линдот Честер, затем трубка была передана Фреду Честеру.

Дорон все время подвывая вперед.

— К сожалению, генерал, — сложился сказала Дорон, — один звонил из машины комиссара.

— Содержание разговора?

— Общие слова: — Дитрих противу Дорону маленькую сумму денег, выманил телефонной пленкой. — Если угодно, запись здесь.

Генерал раздраженно махнул рукой, и машина делал в бездонный карман Дитриха. Дорон с кисту ушел, указательным пальцем барбашу Дорон дорб до стола.

— Пахо, Дитрих, — ядурт спросил сказала генерал, — Ох, как плохо!

Дитрих закрыл глаза и не открывал их до тех пор, пока Дорон не отдал распоряжение: — Холла и Рейндан! И сама побудите здесь. Вы мне потом понадобитесь.

Благодарные помощники генерала уже два часа томившие в приемной.

Об истоках своей главной темы, о том, как она заставляет художника постоянно обращаться к новым средствам выражения, рассказывает нашему корреспонденту Андрею БАТАШЕВУ актер и режиссер театра и кино Ролан БЫКОВ.



а ладкане его пиджака значок: золотая черепашка. Та самая, из фильма, который с такой яркостью запечатлел жизнь, уезжающую правнучку тетки Гортальи. И, поистине, дело, не только ее. Ну, а поскольку фильм детский, то эта золотая черепашка выглядит опознавательным знаком, открывающим дорогу в мир детства — вечный мир доброты, наивности, любопытства...
— Дети... С сорок пятого года и по сей день я в объеме-то работаю для них... — говорит Быков. — Искусство для детей и о детях — это искусство

Молода

МЫ СЧАСТЛИВЫ

важды. Ребенок — это, может быть, единственная на земле радость без страданий и утраты.

А каким было его собственное детство? Как он относится к себе — ребенку?

— С юмором. По-моему, я всегда был смешным... Мне повезло на родителей. Мама когда-то окончила два курса театрального института в Казани. И всю свою любовь к искусству обрушила на меня. Ни в чем не виноватого. В три года я уже читал перед гостями стихи, над которыми мы работали с ней вместе. Отец относился к этому иначе. Если я просидел девять (а жила мы в коммунальной квартире с бесчисленными соседями), отец спрашивал: «Зачем тебе?» Я отвечал: на театр, мол. «У нас в коридоре каждый день сорок три театра», — замечал отец. Денег же не давал.

Таким образом, мать ориентировала меня на изучение искусства, отец — жинка.

В девять лет я записался в драмкружок Московского городского Дома пионервожатых. Чтобы вы поняли, что это было за коллектив, назову несколько имен наших бывших кружковцев: Владимир Андреев, сейчас главный режиссер Театра имени Ермоловой, артист Игорь Кваша, Лев Крутой, кинорежиссер Виктор Соколов, Александр Минта, коллегарисе Яков Радов... А если бы я назвал всех, вы бы ахнули!

Это была прекрасная кружок. Нам читали курс истории искусства, лучшие преподаватели ВГНКа давали занятия по технике речи, актерскому мастерству, танцу...

В сорок пятого году мы со своим спектаклем «Кот в сапогах» отправились в гастрольную поездку по стране. Выступали в разрушенном Сталинграде, Ульяновске, Астрахани. Я играл Кота...

Шли с первым сапогом, ушами и все мимикой. Движение, манера говорить. И даже глаза, кажется, будут светиться в темноте. Что ж, может быть, искусство и должно начинаться со сказки. Во всяком случае, искусство для детей. Ведь сказка — одна из самых первых моделей мира...

— Меня всю жизнь тянуло к сказке. Изучая русский или английский фольклор, я открывал в нем для себя новую сверхсвоеобразную культуру. Сказка привлекает меня и тем, что она, как всякое проявление народного творчества, всегда оригинальна, жизнеутраждающа. А это как раз то, что необходимо детям.

Ребенок агитчен по своей сути. Он и природенный политик. На уроке двора или класса борется за власть. Он и природенный спортсмен. Без устали тренируется, готовя себя к самым высоким нагрузкам. Неважно, в каких соревнованиях участвует: кто дальше плавает или быстрее пробегает. Главное — участие, борьба за победу. И, конечно же, каждый ребенок — человек искусства. «Па — папа, и — мама» — и вот сочинена пьеса, которую можно играть всю жизнь. Он и исследователь! — вспоминает Детские «Отче, почему, зачем?». И он философ, ибо для него мир четко делится на доброе и злое...

Кто мог так говорить из героев, сыгранных Быковым? Да, да, разумеется, артист перевоплощается, но все же... Фильм «Мертвый сезон». Быков в роли актера детского театра, который принимает участие в разведывательной акции. И вот этого актер мог, по-моему, так говорить о детях...
— «Мертвом сезоне» Быков удивительно близок самому себе. Больше того, я уверен, представляю ему возможность проделать все это в жизни — он вряд ли отказался бы от нее.

— Когда-то я жил во дворе Московского Художественного театра. Гулял как-то вечером с собакой. И ко мне, а вернее сказать, к собаке, подошел сам Василий Иванович Качалов. Он погладила по пушистой шкуре и сказал что-то вроде: «Собака... Снег... Хорошо...» Качалов был для меня, мальчишки, почти божеством. Каждое его слово было бесценным. Думать об этих словах можно было всю жизнь.

Быков не божество. Он должен говорить по-другому. Должен доказывать своим мыслям, спертости. Отсюда эта почти «формулярничная» четкость в его построениях.

После десятилетия Ролан Быков решил поступить в театральное училище. В Щепетинском и в школе-студии МХАТа не прошла ни одного тура. Во ВГИКе и ГИТИСЕ завалился на втором. Но после очередного провала он вновь держит экзамены. И в конце концов поступает в училище при Театре Вахтангова.

— Я и на секунду не терял веры в себя, — говорит Быков. И тут же с совершенно новой интонацией добавляет: — Терять не терял, а под машину хотел броситься... С моими данными — я всегда был похож на мальчика — мне было нелегко. Я должен был завоевывать свое амбула.

После окончания училища Ролан Быкова приглашали в Театр на Тагилке, в Московский ТЮЗ, в Театр имени Моссовета. Он выбрал ТЮЗ.

Он начал, как говорится, без труб и барабанов. В училище, где он был председателем научного студенческого общества и всеобщим любимцем, все было по-другому. Ему все прощалось, он мог позволить себе опоздать на репетицию. В театре же Ролан Быков был никаким не талантом, а просто артистом «вспомогательства». Приходить на спектакль был обязан за сорок пять минут до начала.
А Быков по студенческой привычке опаздывал. И, естественно, получал выговоры. В те годы артисты МПГОза были очень заняты. Играли свыше пятидесяти спектаклей в месяц. За перерывку думались премии. Быкову же в качестве премии снимали очередную выговор.

— Я появлялся на сцене во втором акте, а телеграфист, свисток к зрителям, мог даже не тронуться. А в своем конце пробегал на заднем плане с автоматом. Вот и вся роль.

Однажды, как обычно, опоздал на десять минут. Ко мне подбегает заведующая труппой: «Будешь играть?» «Конечно, буду», отвечаю, уверенный в том, что он просто делает мне замечание. А меня тогда в гримерную, натягивают мне паричок, сматривают, судья радом... И здесь-то я начинаю соображать: за кого-то это играть надо. И вдруг слышу, как кто-то бросает в мою сторону: «Назад!»



Фото Сергея ПЕТРУХИНА

быми и наиболее эффективными градами. И он чувствует, когда это в нем понимают...

Он с гордостью говорит:
— Приежаз тут одола колхозника. Хлопноты о своих песенных делах. И в первую очередь внятно размыкает двух людей, которые ей обязаны помому. — Гершковку и медведя. Бесстрашный Паша приходит. Вот, например, девочка пишет: «Паша идет. Помогите».

Я должен помочь. Обязан. Но как! Только своей работой. Во мне должен быть и, я уверен, есть определенная доза времени.
Как же реализуется этот социальный заказ? Герой Быкова (речь в данном случае идет о положительном герое) лирический. Он может быть где-то смешным, в чем-то обижанным... Но в нем есть душа человека — гордый, талантливый, бесстрашный! Вспомните трубку из фильма «Занот», откопайте дверь! Вспомните его рассказ о своем друге-пионере, вспомните, как неспиримую и торжественно звучит его труба, на которой он исполняет пионерские сигналы.

Какие там произносятся слова? Какие-то очень простые... Но ведь убеждают не только слова. И я верю: другую трубку был настоящим пионером, верю потому, что чувствую, как вдохновение борбы через вдохновение пение мне передается.

Кому же предназначается этот фильм? Взрослым или детям?

Меня очень интересуют проблемы так называемого семейного. В сфере была взрослых порой оказываются несоответственными. В кино же можно создать фильмы, обращенные одновременно и к взрослым и к детям, фильмы, которые помогли бы им, членам одной семьи, улучшить свои отношения, прийти к человеческому пониманию.

С годами все дальше уходит от нас детство. И даже если мы очень точно сохраним его в памяти — все равно это наше детство, которое очень сильно отличается от мира, в котором живут современные дети.

— Именно в этом мире детства я вижу для себя множество тайн. И, может быть, главная из них — это новое восприятие современного ребенка. Недavno в зрительном зале МТЮЗа я увидел у моего новую позу. (Быков тут же показала ее: правая рука ладонью-подставкой поддерживает подбородок, а локтем упирается в ладонь левой.) Я назвал ее для себя «позой у телевизора». На сцене идет муча, а в зале никто не шевелит. А раньше стремилась. В чем же дело? Дети привыкли сидеть вот так у телевизора и терпеливо ждать: в конце концов должно же быть что-то стоящее.

Еще один пример. В спектакле «Старая крепость» действует положительный герой-чекист. Авторы перенесли его текст раньше «правильными» словами. И произошло неожиданное. Ребята знают, что герой — чекист, он должен быть хорошим. А денюшка же на сцене им не нравился. И они многократно выносили это противоречие. По закону закаты слышат: «Шпани!».

Достоверность — во внешнем облике и даже в словах и поступках — не является для Быкова основной целью. Артист стремится проследить развитие противоречия между теми, которые строят образ. Фильм «Альбиолит-66» (режиссер Ролан Быков). По настоящему помню пираты на явном «ненастоящих» акул. А где же «правда жизни»? А это и есть правда. Главная правда искусства — правда жизни и прав образ.

— Есть вещи, написанные для произведения, а их пытаются проговаривать. «Быть или не быть?» — великая простовая проговаривать.

Я против догматичности, которая подменяет человека функцией. А функция — это камерой можно снять только функцию. А это и человек! Образ — это защита от давления унификации. Если в фильме не удалось создать образ — картина все же может оказаться похожей на жизнь! А вот на искусство — ни в коем случае! А надо-то ведь, чтобы и на искусство было похоже!

Этот небольшой монолог он произносит крепко. Но в нем слышны последние драмы — и паузы. Он забывает обо мне и задумывается. Наверное, в бесчисленный раз «просматривая» себя в новой роли, замечавшая: а как у него, Быкова, пошло на искусство язык.

— В нашей режиссерской практике, когда что-то получается. А если получилось — начинается новая работа. И так всю жизнь. Все время не получается...

Только что он смеялся, а сейчас его лицо — унылая, безжизненная маска. Трагически приподняв брови, и он, словно от какой-то внутренней боли, гнется вперед. Да, надо ведь, чтобы и на искусство было похоже, а такой гарантии никто даст художнику не может...

Мне вспоминается телевизионный фильм «Кар-

нава». Эстрадное представление с клоунадой и невероятными ситуациями.

Один из героев — Олег Поном — умирает, снова оживает, снова умирает и т. д. И один из «зрителей» спрашивает: «Как же так? Так не бывает!» А ему отвечают: «Но это же представление».

По моему мнению, Быков неужели тянет к себе именно представление. В артисте борются две, казалось бы, несовместимые тенденции: донести до зрителя сконцентрированную и тонкую «правду жизни» и в то же время порадовать его своей игрой, предоставить возможность увидеть те самые возможности в «представлении». И эта «игра» заставляет его порой терять где-то часть меры. Он сам признается: «А «Бегущий по волнам» не нужно было мне «углублять» Грина. А я вылез на него по поводу».

Я не представляю себе Быкова абсолютно доводящего своей работой, счастливого. Почему? Может быть, потому, что он никак не может примирить в себе эту страсть к представлению и жажду подлинности? А может быть, это противоречие и определяет его развитие как художника?

— Что вам нравится в себе, а что нет?

— Не нравится многое. Но зачем говорить о плохом? Мне же правду про себя знаю, правду... А про хорошее, видимо, тоже знаю. И не стою Нескромно. Хотя... Я люблю работать. Получаю от этого удовольствие. Даже когда играю мелкие эпизоды, или когда идет озвучивание... И это мне в себе нравится.

Я слушаю его и думаю, что Ролан Быков оказался таким, каким я и ожидал его увидеть. Неожиданным, точным, склонным к импровизации. Недavno он закончил на «Мосфильме» новую работу «Государства». Один из руководителей студии, просмотревший фильм, спрашивает Быкова:

— Как бы вы сами определяли для себя, про что это картина?

— Про хороших людей, — отвечает Быков.

— А не кажется ли вам, что зритель может воспринять некоторые эпизоды как иронию?

— Не думаю.

— А почему так говорит: «Эти чертвы злодеи-цыты!»

— Давайте заменим: «Дорогие мои саладопы!».

— А вуальеристы! Они, знаете ли, встречаются в тексте.

— Вуальеризм нет. Но мы их найдем и выразим.

— Быкова пригласили посмотреть эстрадную программу. Потом, естественно, спрашивают, что ему понравилось.

— Почему? Это, по-моему, самый удачный номер.

— Почему?

— Попугай у вас хотя бы говорить по-русски умеет...

Быков не конструирует своих героев, а достает их из глубины своего сердца. Ради победы в искусстве он способен отдать все свои силы не безграничные — силам. Таково восприятие зрителя. И оно ему известно. А как, по его мнению, правильно оценивать его зритель или нет?

— Да. Все правильно.

И тут же, в том месте, показал, как некто знакомится с тремя актерами.

С Роланом Быковым. — А-а-а, Ролан! — протягивает руку с улыбкой, с которой встречают старого знакомого.

С Ульяновым. — Очень рад, Михаил Александрович! Надо жмет руку с пожиманием головы, означая: только мы с вами в состоянии осознать всю глубину проблемы.

Со Смоктуновским. С отгадкой об окружающих: это и есть тот самый, знаменитый!

— И бы одобрил зрительку. Я свой, я хорший...

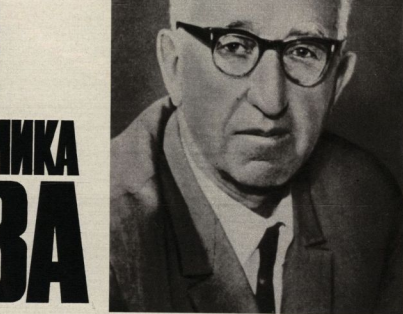
— Но это если вы играете положительного героя. А если предатель, убийцу? Верите ли вы тогда в то, что вы «хорший»?

— Насчет актерской «веры» — это давний вопрос. Мы еще в училище и в дело друг к другу вносили. И спрашивали: «А ты, Помню, а как-то решил заставить себя поверить наконец, что я Кузовкин (в тургеневском «Нахлебнике»). Привел заголою до ретиции, жожу, убеждо себя!» Я Кузовкин. Кузовкин! Нет... Кузовкин, Кузовкин... Через несколько часов меня от правили домой. И привалило садала. Я ведь человек честный, трудолюб, мог бы и убедить себя.

Поверьте, ни одному актеру, игравшему некогда, не удалось... задумать... задумать... Переждать это состояние и дойти до дела. Актер играл, иногда близко к себе, иногда далеко от себя, сверху, снизу, сбоку...

Когда мы плачем в действительности — мы страдаем, и это страдание укорачивает жизнь. Плачем на сцене — мы счастливы...

ДИЛОМА



I. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Наука и производство» — главная забота Героя Социалистического Труда академика Александра Ивановича Целикова. Или, если иначе сформулировать: развитие научных исследований и быстрое применение их результатов на производстве. Быстро — это он сам подчеркивает.

Но об этом позже. Об этом скажет сам Александр Иванович. А пока — об институте, который он возглавляет.

Собственно институт — Всесоюзный ордена Ленина научно-исследовательский и проектно-конструкторский металлургического машиностроения (ВНИИМЕТМАШ) — лишь составное (хотя и главное) подразделение научно-производственного (заметьте: «наука и производство») объединения ВНИИМЕТМАШ, куда входят его отделения в Славянске и Колпине, его опытные заводы в Москве и в том же Славянске — «Славтяжмаш».

В информационной «Справке о деятельности объединения» сказано так: «Институт является комплексной организацией, выполняющей полный цикл работ по созданию нового металлургического оборудования от научных исследований до создания опытных и опитно-промышленных образцов новых машин и внедрения их в промышленную эксплуатацию».

В институте хорошо помнят и охотно пересказывают «пять принципов» его работы. Сюда входят и изучение рабочего процесса, выполняемого проектируемой машиной, и тесное сотрудничество ученых и конструкторов, и вопросы электропривода и автоматизации, и исследование, и разработка технологии непрерывных процессов. Но главное — испытание вновь созданной машины в условиях производства, ибо оно — самый точный, самый строгий, самый объективный судья. Если хотите, это пять принципов можно сформулировать так: работа не доведенная до производства, — незаконченная работа. Законченная же работа — это прежде всего повышение эффектив-

ности труда, его производительности, несомненный экономический эффект.

Вот об этом, пожалуй, стоит поговорить подробнее, ибо диссертация для молодого инженера, едва окончившего вуз, превращается в главную жизненную цель, без достижения которой, по его разумению, трудно, а порой просто невозможно существовать.

II. ДВЕ НАУКИ

Аспиранты во ВНИИМЕТМАШЕ люди одержимые. Их деятельность не ограничивается стенами библиотек или лабораторий. Они без конца пропадают на опытный завод при институте, мотаются в Челябинск, Краматорск или Тагирог, спорят с подразделениями о сроках изготовления машины или ее деталей, а в результате не замечают, как оплутанные им на подготовку диссертации три аспирантских года превращаются в пять лет, в шесть, а то и в семь. Это акеда, исключенный в институте нет.

А. И. Целиков: — Вы же сами сформулировали: работа, не доведенная до производства, не закончена. И аспирантские работы не исключение. У в промышленности, на заводе, а вы тогда защищаете. Естественно, что срок выполнения кандидатской диссертации у нас вырастает вдвое, а то и больше...

Академик не зря подчеркивает: у нас в В других научных и особенно учебных институтах срок аспирантской работы несбылок: три года — и на ученый срок. Если успеешь, конечно. Аспиранты — народ толковый, болючество успевают. А о неудачниках стоит ли говорить? Выходит, что срок, если немалый аспирантский отряд ВНИИМЕТМАШ приходится приписать к сроку так называемых инженер-удачников.

Но неудачников ли? Это уж с какой стороны посмотреть... — В нашей стране огромные идиотские затраты на фундаментальную и научную работу, — говорит А. И. Целиков. — Средства государства не хватает. Только средства эти, уже, распыляются между большим количеством научно-исследовательских учебных инсти-

тутов. А там, в свою очередь, они расщепляются на множество мелких тем, особенно аспирантских. В результате денег-то на науку уходит масса, а пользы иногда нет, кроме защиты диссертаций аспирантами. Выходит, что все исследовательские работы ведутся лишь для того, чтобы никто не получил заветную кандидатскую степень, а с ней и высокий оклад и льготы соответствующие. Это не превращение: научный уровень подобных работ бывает так низок, что их даже не удается опубликовать в научно-технических журналах, а лишь в институтских сборниках. И характеристика «исследования» этих кандидатских исследований — том, что они, как правило, не внедрены в производство, а, стало быть, их результаты не проверены практикой. А так как в условиях производства в любом исследуемом процессе выявляются новые закономерности, то, следовательно, не проверенная практикой работа не закончена. О чем мы с вами и говорили... Выходит, что у нас появились два направления в науке, или две науки. Одна — без которой невозможен научно-технический прогресс. Другая — для выполнения диссертаций и которая почти ничего не дает производству. Как испарить по-настоящему диссертационные работы в области технических наук должны довериться до применения в промышленности. Можете назвать это аксиомой.

Это — мнение академика Целикова. Он сам подчеркивает: личное мнение.

И все же личное мнение стало главным принципом в работе института. В самом деле, практика нередко опровергает результаты, полученные в лабораториях. Такой печальный опыт существует, пожалуй, во всех научных и учебных институтах, да что говорить: и ВНИИМЕТМАШ не исключение. Вот почему здесь не ограничиваются лишь рекомендациями о практическом применении научной работы, но апробируют ее выходя на производство и, если нужно, вносят необходимые коррективы.

Потому и появляется это на первый взгляд страшная цифра: 6—7 лет. Или иначе: срок подготовки и защиты кандидатских диссертаций. Что ж, срок и в самом деле не маленький. А если еще учесть то, что во ВНИИМЕТМАШ инженер-конструктор приходит не прямо с институтской скамьи, а с производства или из

конструкторского бюро, то срок этот для выпускника вуза превращается в нечто огромное, долгое, нереальное: попробуй преодолей.

III. КАК НАДО УЧИТЬСЯ

— Преодолеть его, конечно, возможно, — говорит Целиков. — Тот, кто хочет, преодолевает. Другое дело, что срок этот надо бы сократить... — За счет чего? Шесть лет на диссертацию, до этого — два года в ИБ или в лаборатории, еще раньше — пять с половиной лет в вузе. Где здесь резерв времени?

— Вы назвали цифру: пять с половиной лет в вузе. Но много ли? — Александр Иванович, эта цифра уязвима множелетель вузовской практикой...

— А верна ли эта практика? Учебный план институтов перегружен объемом необязательных дисциплин, не играющих роли в развитии творческих способностей студента. А ведь все эти дисциплины можно и должно подробно, на высоком уровне изучать в средней школе. Считайте сами: инструкторный язык, общая химия, физика, начальная глава высшей математики. Впрочем, и среди специальных предметов есть такие, которые следовало бы если и не убрать из программы, то по крайней мере предельно сократить. К примеру, техническая эстетика, ее общий курс... Формы эстетизики зависят от рода машиностроения, они различны, многообразны и познаются по-настоящему только в процессе конструирования — не раньше.

— Стоит ли за счет освоившегося временем расширять программу специальных дисциплин?

— Думаю, что нет: она достаточно полна и претензий, в общем, не вызывает. За счет освобождения времени мы можем сократить срок обучения, скажем, на год. Студент должен кончать вуз в возрасте двадцати одного — двадцати двух лет, не старше...

IV. КАК НАДО УЧИТЬ

Как надо учиться, мы, кажется, решили: четыре года вместо пяти с половиной. Четыре года, заполненные высококвалифицированными лекциями по профилирующим и специальным дисциплинам, серьезными курсовыми работами и, главное, практикой.

Но, как показывает опыт, очень часто студент не получает ни высококвалифицированных лекций, ни деловых (а не лишь бы отмотать!) практик — а его курсовые работы представляют лишь на место в архиве кафедры — не больше. И, как правило, это не только вина самого студента, но — в небольшой степени — его преподавателя.

Чем обычно укомплектованы профилирующие кафедры вузов? В основном молодыми специалистами, которые после окончания того же института были оставлены на кафедре в качестве аспирантов или инженеров. То есть вечерний студент рискует учить студента сегодняшнего... — такой молодой инженер, — говорит А. И. Целиков, — через некоторое время закладывая диссертацию, становится старшим преподавателем, потом ассистентом, а там, где достаточная и профессиональная квалификация, в лаборатории или в ИВ. Да разве может сейчас, с позволения сказать, преподаватель невалидированно читать лекции, допустить, по производству прима или втора?

Этоткий «средний преподаватель», описанный академиком А. И. Целиковым, становится кандидатом или даже доктором наук не случайно; в любом вузе ведется научно-исследовательская работа. Еще в начале этого десятилетия мы говорили о средствах, отпущаемых на научные исследования в вузах. И надо сказать, что средства эти не повысились в воздухе, их все-таки старается опрыскать так называемыми госбюджетными работами, которые ведутся в институтских лабораториях. Так впрочем и так говорить о бесположности такой работы, о том, что они ничего не дают ни государству, ни самим исследователям!

— Хотите знать, мое мнение? — спрашивает А. И. Целиков. Считаю, что научно-исследовательская работа должна вестись в воздухе, не теряя, чтобы преподаватели кафедр не теряли практической квалификации. Прошедшее значение такой работы слишком велико. Даже оснащенность учебных кабинетов, которую мы имеем, чем в научных институтах. Момент или в таких условиях молодой инженер, как говорится, не оказавший подготовку, стать настоящим специалистом своего дела? Момент или он сделать своих студентов настоящими специалистами? Есть ли выход? На мой взгляд, есть. Необходимо чтобы профилирующие предметы в вузах лабораториям работали в вузах и научных институтах. Необходимо, чтобы студенты и аспиранты кафедр вели исследовательскую работу не в вузах и научных институтах, а в научных институтах. Необходимо, чтобы студенты и аспиранты кафедры вели исследовательскую работу не в вузах и научных институтах, а в научных институтах. Необходимо, чтобы студенты и аспиранты кафедры вели исследовательскую работу не в вузах и научных институтах, а в научных институтах. Необходимо, чтобы студенты и аспиранты кафедры вели исследовательскую работу не в вузах и научных институтах, а в научных институтах.

бы директор института был одновременно и заведующим кафедрой автоматизации машиностроения в Бауманском училище...

У. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Александр Иванович Целиков — сам «бауманец», сам прошел через структурное бюро завода «Серп и молот», сам работал на производственном, сам конструировал (и конструировал), сам возглавлял коллективы конструкторов (и возглавлял!), сам преподавал в вузе (и по сей день преподает). Он руководил и руководит аспирантами, которые — как бы я ни говорил — уверены в непогрешимости личного мнения академика Целикова. И отношение у них к своим диссертационным работам особое.

Подумайте, как это прозвучит на защите: «Моя диссертация на Краматорском заводе план дает... А ведь, как правило, учебный совет ВНИИМЕТМАШа регулярно слышит такую (или похожую) фразу от будущих кандидатов наук.

Значит, и вправду верно это «личное мнение»!

С ним согласны профессора института.

С ним согласны аспиранты и молодые кандидаты наук.

С ним согласны те, кто только находится сейчас в следовательском кабинете у Целикова.

А кто против?

ОТ РЕДАКЦИИ:

В статье Сергея Абрамова «Личное мнение академика Целикова» высказываются немало спорных (хотя, быть может, и верных!) пожеланий о существующей системе подготовки молодых специалистов в высших учебных заведениях страны, о работе аспирантов, об уровне современных кандидатских диссертаций в области технических наук.

Выступая на Всесоюзном слете студентов, Леонида Ильича Брежнев говорил: «Наука и ее практическое применение в жизни развиваются сейчас такими темпами, что многое из даже недавно найденного, открытого нередко устаревает прежде, чем попадает в учебники и курсы лекций». Но это значит также, что оперативно и постоянно должна вестись и работа по дальнейшему совершенствованию содержания и методов преподавания в высшей школе, по укреплению материально-технической базы вузов и техникумов.

В этом отношении опыт ВНИИМЕТМАШа, в частности, заслуживает внимания. И, думаем, найдутся люди, знакомые с этими проблемами, которые захотят поспорить на страницах «Смены» о том, какой же он, молодой ученый, поговорить о его работе, о его учебе и его интересах. Разговор об этом впереди...

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ»

Включая к завершению первый цикл заочных шахматных турниров по переписке, в которых читатели «Смены» стартовали в августе 1970—1971 годов. Среди присланных партий много турниров можно найти немало весьма интересных примеров шахматного творчества. Некоторые из них не только красивы, но и очень поучительны. В качестве иллюстрации приведем коротенькую партию, сыгранную на заочном турнире «Смены» № 117. Соперниками в этом увлекательном поединке были отнюдь не высококвалифицированные спортсмены, а просто энтузиасты, не имеющие до этого соревнования никакого шахматного разряда. Великим игроком поименован шахматист тепловоза из Ленинградского области В. Ахундов, черными — шахтер из Приморского края С. Засядько.

1. e2—e4 e7—e5 2. Kf1—f3 Kf8—e6 3. Cf1—c3 Kf8—e6 4. Cb5—d4 Kf8—f6 5. 0—0 Kf6:4. Борьба началась известным в теории шахматных дебютов открытым вариантом испанской партии: 6. Jf1—e1 Kf4—c5 7. Kf5: e5 Kf5—e6 8. d2—d4 b7—b5 9. Cc4—b3 Kf4—b6. Конечно, «загнать» центральную пешку противника можно и по-другому, но в данном случае черные поступили совершенно правильно, прогледели неожиданную жертву белого короля, вынужденного под огнем пешки отказаться от гильберта для себя путешествия.

из ГР. по «серебря» и «бронзу» завоевали корону и имен Владимир Загорский и москвич Яков Эстрин. Приводим краткий финал партии Славянов (СССР) — Шевченко (Украина), которая была сыграна в заочном чемпионате мира.

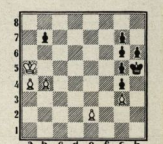


Положение, изображенное выше на диаграмме, создано после 28-го хода черными. Игравший белыми мастер (кстати, тот же В. Шевченко) совершил жертву два пешки и нарушил взаимодействие пешек и коней. Черные же, игравшие в заочном чемпионате мира, не увидели этого и проиграли. Указанные тактические ошибки.

Уотик была достигнута победа: 28. e2—e3 Kf4—h3 + 30. Kf1—g2 Kh3:f2 31. Kf2:f2 Fd7—b5 + 32. Kf2—g2 La8:5 33. Fb3:g7 34. La7—a8 34. Kf3—b4 Fb6—e6 35. Kf4—g5 + Kf8—h7 36. Ff7—f5 Ff6:e5 37. Le4—c4 Черные сдались.

НЕОБЫЧНОЕ УСЛОВИЕ

Существует сравнительно малочисленная широкая группа шахматистов и старопытная область задач на так называемые «нозерновые» маты. В исходной позиции такой задачи обычно отсутствуют пешки. Помогать белым в объявленном числе ходов дать мат черному королю. Цель здесь достигается соединением условий обеих сторон. Предлагаем вниманию читателей «Смены» задачу венгерского шахматного композитора Николаша Габора, в которой черные, начиная, помогают белым заматовать черного короля в шесть ходов.



СВЕРЬТЕ СВОЕ РЕШЕНИЕ

В. Кудрибин (Владимирск), А. Миндубаева (Самаранд), И. Ткачев (Самарск, Донецкая область), И. Свиридов (Тельманов, Московская область), ИТ Коричнев (Донецк, Краснодарский край) и многие другие читатели прислали прекрасные ответы на этот французского композитора Ж. Вильяме-Зенгелова (белыми) задачу № 27. Среди черных — Kр4, Kf2, Cc3, Cg6, опубликованный в № 3. ИТ Коричнев и Д. Давыдов достаточно успешно. Правда, чемпионский титул достался Хорсту Риттеру.

ИГРАЛИ ТРИ (3) ГОДА

В последнем, шестом по счету первенстве мира по шахматам в игре по переписке участвовали представители девяти стран. Советские шахматисты победили достаточно успешно. Правда, чемпионский титул достался Хорсту Риттеру.

Покр решающей мастера ЛЮБИЩЕВСКОГО



10. Fd1:d4 Kf6:d4 11. Cb3:f7 Kf6—e7 12. Cc1:g5 Kf7—d8 13. Kf4:c2. А теперь белым матово жертвуют колю и заставляют черного короля пойти в сторону.

1. 4. Jf1—d1 +1 Kf6:e5 15. Jd1—d5 + Kf6—f4 16. Cb6—g5 + Kf4—g4 17. f2—g3.

Полностью случаем, сообщаем участникам и старопытная область наших заочных турниров, что игра в переписку продолжается до 15 сентября. Следующий в месячный срок все материалы (турнирные таблицы, заявки, сыгранные партии, текст ходов и позиции невалидных позиций) должны быть присланы в редакцию «Смены». Судейские комиссии могли бы подвести окончательные итоги соревнования.

Александр ИВАНЦКИЙ,
заслуженный мастер спорта

ТРИ ЭТЮДА О БОРЬБЕ



ОЛИМПИЙСКАЯ
СЕРВИС



Палестра

Одетый в пурпурный хитон элладонец подал знак. Адмет подошел к серебряной чаше. Его пальцы ощутили прохладу бронзовых жетонов. Он, не перебирая, взял первый и протянул его судье. Те, кто был рядом, затихли, ожидают. «Альфа!» — объявил распорядитель игр и добавил, покровительственно обращаясь к юноше: «Гордись! Тебе выпала честь сразиться первым с самим Состратом!» По рядам пронеслось приглушенное «С Состратом... Сострат... лояющий пальцы. Взоры присутствующих обратились к юноше. Они были разные: злорадные, снисходительные, лобопытные. Большинство было подбадривающих. Им, завсегдагатам ристалищ, легко было предствить, что ждет новичка. Спартеец гордо





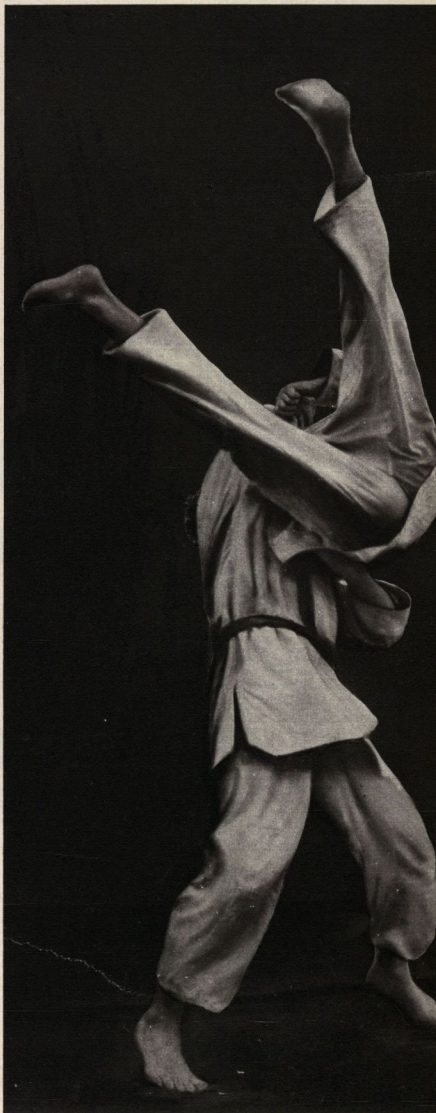
вскинул голову. На его родине мальчишки рано становятся взрослыми. А мужу подобает держаться с достоинством.

На плечо легла чья-то рука. Адмет скорее почувствовал, чем увидел учителя. «Пойдем, сын мой», — сказал он.

Следуя через площадь за Аристомедом, юноша слушал и не слушал то, что говорил ему этот многоопытный человек: «Сострат — сistroneц. Когда мы сражались с персами, они грабили наши жилища, издевались над женщинами и грудными младенцами... Твой противник жесток... Его прямо в глаза называют «Акрохерсит», и он кичится этим. Ты знаешь почему. Украдкой норовит скрутить пальцы, крошит суставы... Смотри! Вот он и сам движется к нам!» Не будь предупреждающий возглас столь запоздалым, Адмет постарался бы избежать встречи. Он предпочитал выяснять отношения на арене.

Разговор с соперником накануне мог расколдовать его пыл.

Надавившаяся толстая туша источала благодушие. Неожиданно для своих объемов она по-детски пропичкала: «Приветствую тебя, мой мальчик! Говорят, что ты торопишься взять у меня несколько уроков борьбы, а?» Вокруг них моментально собрался зеваки. Еще был Сострат синовья до разговора с безбородым. Юноша вспыхнул, ведь даже бессловесному илоту было бы понятно, что перед ним воин. Краска, проступившая сквозь загар, показала, чего стоила ему выдержка. Оценивающие руки сistroneц, похлопывая, воровато бегали по мышцам спины, предплечья. Спартанец не проронил ни звука. Сострат не ожидал такого приема. Пытаясь как-то сгладить неловкую паузу, сistroneц помедлил и решил продолжить разыгрывать роль синисодительного добряка: «Юноша! Злые языки утверждают, что проши-



лая лунная ночь проведена тобою в храм Зевса. Быть может, ты решил заранее примерить на себя олимпийскую вену? Он деловито кивнул. В это считавшуюся удачной, засмеялся. Но и этот укол остался без ответа. Адмет счел необходимым обратиться лишь к Аристодему: «Учитель! Ты и раньше не пытался сказать слово вперед. Окружающие на всякий случай поосторожились. Все еще нетеря надежды на даровое представление, но если решишь выступить, то лучше тут». «Распустил, презренный плес!» Афина лихнула вас разум! Вы спугали знаменитого поэта с безвестным атлетом!» завопил резко и кинулся вперед. Адмет не успел опомниться декламировать: «Пресла свои оплевы, борцы на средину выходя, крепко руками они подхватили друг друга, словно стропила. Соловьи да знавших «Илиаду» был ему наградою. Сдерживая себя, чтобы не сорваться на крик, Адмет вонзал свой ответ коротко, хлестко и четко: «Теперь же ты, Залопнище, солнце волка. Акхреост! Тебе предстоит убедиться в том первыми!» «ты отвяти!» — «Их рыдан и молчание еще не успели достигнуть уровня нескладности», — успел подуть Адмет, едва учитель произнес начало фразы. «Слово в тебе заговорила седея мудрость, — замечал неслышным — Остаться хрыбрым без оружия — удел избранных». «Тогда чему ты так хитро улыбеваешься!» — боясь подвоха, спросил Адмет, заметив что голову было удержать в кибитке губ учителя утешку. «Лустое. Мне показалось, что после жребия ты стал какому-то безразличным. Теперь в твоих жилах вновь заструился горчица, животворящий ток».

Обогнув палестру, они подошли к священной роще. Ее тень дарила прохладу. Тишину не нарушая даже шорох листьев. Газоны были несорочены, веревки людей оставляли ее в стороне. Они пренебрегли отдыхом, спеша занять на трибунах лучшие места. Аристодем, приняв различие черт на лицах, мошало молодого тело ученика. Деляя привычное, он помыл себя на мысли, что ему вдруг стал близок и понятен ватель, любящий проводить в свои руки. И еще он подумал, что между ними лежит громадная пропасть. Ведь даже великому Фидию не удалось сотворить живое совершенство.

Адмет, убавивший расстриганием, грешил назву. Ему представлялся родной город, пролом, сделанный в честь его победы в крепостной стене. Почему-то всплыло в памяти старое предостережение: «Имею меди. Плата медленным — смерть. Таково предсказанье условие».

Внимание учителя привлекли атлеты, собравшиеся у палестры. Он заторопился: «Поднимаю Адмет! Аристодем готовился напоследок сказать юноше не эти, а какие-то более весомые, более торжественные слова, но добравшись лишь до предостережения: «Томн, тебя ждут со злотом!»

Борцов повели на арену мрачным, неожданным темным переходом. Поддержали их там перед входом на палестру, поэтому они, появившись на арене, стали, ослепленные солнечным светом. Сблизил в кучу. И те, кто, подобно спартацу, очутился здесь впервые, и те, кто уже давно готовился к своим испытаниям в свертках ушами, вали себя, словно незрячие котата. Неловко топтались на одном месте, тыкаясь друг в друга. Добравшись лишь до единственной расступы, расплылся вперед. Испытанные турнирные бойцы принялись пробовать плотность глиняного покрова палестры. Их внимание было понижено. Чужо и тем им было не интересно, а один и ушибов придется на долю каждого. Требуя, чтобы арене было обеспечено водой, капризным и оттого ставшим особенно неприятным го-

доском заприщлат строгие. Зрители оживленно обсуждали достоинства борцов, но вот, перекрывая эту гоуд, из одного края трибуны до другого зазвучало слово элладского: «Гло воле жребия первым вызывается Адмет». Дождившись полной тишины, он продолжил: «Все ли вы, счастливые гости Олимпии, согласны с тем, что этот атлет является свободным и достойным гражданином Спарта?» Он еще дважды выкрикнул эти ритуальные фразы. На трибунах никто не повернул большой палец правой руки вниз. Выдержав паузу, арбитр прокинул те же слова, представляя зрительтам Сострата. Спартацы, завывая, последние приготовления, выпалил тол тонким песком. Того требовали суровые правила поединка. Он успел заметить, что строгие продолжает эту процедуру кое-как. Второе в кому масло, жара и пот сделали тело ловкача скольким, провозного. Но Адмет не унизил себя словом. Наоборот. Набо посылает ему, хорошее предзнаменование. Храбрость не облачается в одежды коварства. «готовый» Вопрос распо-

рядателя игр относился к боим. Встряхивая ного, словно перед бегом, юноше кивнул. Да, он готов. Готов, хотя до сих пор к нему не приходило знакомое чувство нетерпения. Лишь что-то вроде дрожи пробежало вдоль спины, обдав ее холодом. «Начали!» — возвестил элладский. И пока строгие, атаку лыску голову в плечи, подбирался к нему, пока он описывая описываемые круги вокруг, Адмет успел подумать нечто. В сражении отступлению, робости, поражение делился парню между оставшимися в живых. Зарезе, даже если он выстоит и, выстоя, победит, то... Удачу, все до последней капли, возьмет себе горы и долины древней Лаконии. Его триумф возвеличит каждого спартаца. Его слава сделает их отважные, сильнее. Она станет достоинством государства, войдет в его историю. Она будет существовать, но как бы отдельно, независимо от него. Ну, а если он проиграет? Тогда ты скорбя разделить не с кем. И, окая ная истинную суть вещей, Адмет бросил свое мускулистое, натренированное тело в бой...

обильно и помногу откушавшей, Уровос сползались и широко закрестились, тикая себя пухлыми пальцами то в грудь, то в живот, то в глаза, то в плем, то в дородный живот, то в покатые плечи. «Вот и я так же мислю!» — поддакнул он настоплето. — О светом смерду должно было думать. Делать же нечего, и истинно, предостережение Ионафан продолжал свое, не обращая внимания на уруссские слова: «Юноша воля всевошего настоплето, ты и в истинно, предостережение ты. Геене огненной народват велено латинскую ересь и новогреческую кумность. Это то лукавое. А что и глумливое позорща делавши, ты и в истинно, предостережение спросил он. Оскольчинею показало, что при этом настоплето как-то подкоронительно усталось на него своим зрелищем, глазами. «Идти, куда клонить», — забеспокоился Уровос, не державший в своих поках иного писаного, кроме амбарных записей, но спустя рывава сморщившись, он вынул из кармана конверт и представил. «Отврати, что ли, деньги на храм или чем другим увлекайся монастырскую братию?» — заворочалось у него в голове. Еще удивляло его отец-настоплето в тажбу. Своих забот полно рт. Оплть холку было неспокойно. «Вело не прущат скороморские треклетое. Дай скор, устает, велю!».

Беседу нарушил шум, доносившийся с косорга, со стороны коронных лесов. Воздух, прозрачный от своей стылости дном, в эту пору уже был прозрачен от сиваевого дыма, исходящего смирком сумерек. Поэтому стоявшая на зримые чепяд не сразу признала за людским шествием его необыкновенно высокую фигуру, одетую в темную рубашку, взгромоздившаяся на ограду, учуя знакомое, загомонив, представу интересное зрелище. Наконец слух настоплето коснулся отдельных возгласов слышимых в толпе. Собравшись высказать мнение о событии, должно быть, имеющем предостереженное касательство к его сану (предостережение, которое он продвигался к церкви, стоящей чуть поодаль усадьбы), отец Ионафан хотел было обратиться к Борнису с подобно-случаю репликой, но увидев, что друг предвещает нечто вроде довольствия от предстоящего ирауочения о брешности всего сущего и о умнорыворющей пользе религии, но замешкался, подыскивая подобнее-щее случаю выражение.

Толпа меж тем остановилась чуть поодаль от ворот, образовав нечто неподобающее кругу. На его середине вынырнул двое, выходящих друг друга назанчик, они крепко ухватились за кушачи. Их подбадривали криками. Незабово их подбадривали русскоязычные люди в далеким. Своем-немно подсманивались над его напарником, одетым в пеструю рубашку. Голову чудачковог парня укралпал херкиси сдвинутый на макушку колпачок. То и дело поглядывал его он успевал скорчить уморительную рожу, от которой собиравшиеся покатаывались с хохоту. Булагор борлся заливаться. Лучшее момент, он ловко обхватил крест-накрест руку и бросил плашая на употпанный ногам снег. Его разбойного вида напарник, кружащий радом на стороне, тоже зарывался сверху, губами, дарил в бурьян. Животина заблябла. Кто-то неклюжий, будто в нарочно вывернутом нанзанку тулупе, не то являлись, не то кривил.

Настоплето не расмшлал, оттого толпа снова зашла с смешом. Затем до него доносилось явственно: «...Милой! Раствая ты! С насю надобно было пухнуть сверху, дабы и оторкнув приличий шпек, парень и мужчина очия влязлся за кушачи. До настоплето со всей очевидностью дошла суть происходящего. Терпедосте благочастной беседы к содержанию



Потеха

Взглянув на преклонный возраст, желчный и сухой настоплето. Спасаемого монастыря оставался яростным кластерителем кромылы. Властный, зловонный, он держал все округу в уде и повиновении. Тотель земных утех и соблазнов, ревнитель постов и ночных бдений, он заставлял опасаться своих всегда внезапных невзгод даже родовитую знать.

Вот и сейчас помыслил окольный Уровоса владели желание поскорее избавиться от визита нежданным гостя. Правда, тому причина

была не только в худой славе отца Ионафана. Измучившись от нудного сидения за скромной трапезой, ослепленный не чаем, когда тот уедет, чтобы унять голодное бурчание своего живота.

Сходя с крыльца, настоплето, обескуражив и Борнису, начал прерванную бы беседе: «На слание души, а не тела бременного мысли направляет надобно. Запавшая поля шубы, окольный в сей момент как раз думал о самом, что ни на есть стельном. Ему представлялись истомленная паром, волотно уляглась на блюде стельдачка. Любвищий более всего на свете

позорного игрока оказался для него настолько разлителен, что и без того бледное лицо его стало мертвенно-восковым. Лишались от неожиданности дара речи, он беззащитно так схватил перстом в сторону расколовшихся и наконец с усилием выдвинул из себя: «Воскресне...скоморошил, поганый!» Взыбренный Урусов прошептал зло сквозь зубы: «Эй! Кто-нибудь!» Ключник, пытаясь притворить ворота, дабы не оскорблять взоры почтенного гостя глумливыми «жидовствами», понатужившись и спешно направился к пристройке для челяди.

Меня тем виновники возмущения и не помышляли о готовавшихся против них. Вспелое стало изобильно, зыбко, сидевший на козе, стадо даду, принялся нагваривать на ней мелодию, переселился же бисером поговорок. Потом осадил спую бордурную конягу и стал зычным голосом звать: «А ну, честной народ, уймись, разойдись. Дай теперь самим бравам удавиться, славным молодцам-борцам себя показать, верт предствал! Кто теперь не а младший, а с старшим братом хомчаться? Выходило да со себе званьи!» В толпе зашумели лучше прежде. Затем на сцену вытолкнули упирающегося коленогостого дядьку в равном трюхе. Тот хотя и отнекивался и порывался уйти, но кушак свой на зипуне затянул потуже, готовясь к потасовке. Тут и направился к ним, зная

по стругам сырмятным кнутом, ключник, сопровождаемый дворяны.

Ключник, подогая вплотную, сплеча омет плетью первого подвинувшегося ему под руку. Удар пришелся по тому самому, в вывороченном тулупе... В ответ раздались нечеловеческий рев. Петер ключником, лагнув цепью, в ключок вылетел шерсть, вырос козалошья. Чей-то баясти голосок писнул. Огонек ярости вспыхнул в его зрачках лица на миг. Провалившись заставив лежащего «хозяина» леса ползти. Уступая натиску слуг, толпа, глухо перебраканная, рассыпалась. Ключник оказался перед скомохром, намертво сложившимся в цепь. Копытка встала в снег поодаль, и ключник увидел молодое, разгоряченное потасовкой лицо. Страшный удар, усмиренный не только холмописным рвением, но и местию, рану из щеки пожегшего. Плеть сдираю одежду, оставляя на спине, рубки, скула преря багровые рубцы. Посушившая губы исполовавшегося скомохора выплевывала вместе с силой пенны невинное, приглушенное абсолютной яростью: «Не замка, паря... буда... Потешил боярина-то, подка, потешил!» Дрожала натянутая цепь. Ошкеник аркался в шую медведя. Зверь хрипел. Сиребля ногтями по насту, он ташил упирающегося поводыря. И шил тыщла ною стержла с белоснежного сватка дороги кровавую азак письма...

остынут. Ну, я его...». С этими словами Андрей распахнул дверь. «Валентин», — начал он с порога. — Ах, извините, Валентин! Валентин», — дурачился, смеясь, но в конце концов Аденеч, — сморщился, как от зубной боли, начальник команды. — Сколько раз предупреждал, не фамильярничайте. И затем, в отношении того, что разглагольствовали вы, я бы хотел затеять серьезный разговор. Ну, что вам у вас?»

«Филла никак задержать собирается. Претензии предъявить не имеет. Вы не надо. Неудобно. Международное обхождение нарушается». «С этого и начинать надо, — забеспокоился начальник команды. — Совещание закончить надо. Сосредоточить внимание. Интересовался Аденеч, вида притупления лица ребята. Переливая содержание термосов, гремя кришкани, он соруженно задал: — Эх, и посмотрю и на вас, бедолага. Заря вы так маетесь. Мне много и даром не надо. В наше время по-другому было. Вот скажем, у меня случил бы. Подойдите ко мне раз Зыбичко и Аденеч, как бы не подождать, что тебе стоит. Дама моя должна прийти в цирк. Принятая моя во всех отношениях». Я нэтрое. Он шепчет мне на ухо, что не надо. Слышу арка нечего, делювое предлагает. Дав свое согласие. Значит, когда представление началось, он меня на казний пося, я с арены да за ручки кресел звал. Он мне назад на окер валювал. Я держю всю асел список. Кресла и кресты. Мы ведь их перед представлением, считай, попочи аккуратноно подпидвали. Хозяин бьный пресет. Урон ему. Губника аплотит. Эбьше дама букет преподосит. Галерея ногами толочет. Кричат, что с таким битками нинто не складает. Пустя при их обьом арчуют. Сейчас на арене, раз стулья рядками ломать могут.

«Шел тренер. «Потан Аденеч» — начал он, уловив общее настроение. А мне ты рассказывал, что не со Зыбичко, а с Чуркиным у тебя то было. «Так же и тебе, Кирилль», — протнула ничуть не смутившийся массажист. — Ребята равнее его знают. У тебя же Зыбичко — преемственно, кто да кто. «Калитан! — переменил тему тренер, трояся Андрей за локоть. — Ты оставших здесь за главою. Я самоуверенно Аденеч помолит тебе. Расслабля все йсна! Болеги поджимают. В финале нас восемь. Неплохо-то неплохо, но нам четыре первых обязательно нужны. Иначе...» «Да ты не отнимайся, Кирилль», — вставил массажист. — Длинно агитируешь. Ребята не кислая ледяе приехали. «Ну, раз так, давай, Джимур, пошлы ты у нас заглавля. Тебя же не надо. За нами хлопнула дверь. Массажист захлопнул.

В раздевалку возвращались возбужденные победой или уставшие от поражения спортсмены. И те и другие медленно и с достоинством, как с косяком, минеральной водой. Хлопали пробки. Оранжевые корки апельсинов летели в корзину. Потом борцы уходили болеть за товарищей. Команда пустела. И как немощные оставался народом, тем томительней для Андрея становилось ожидание. Вот уже их осталось трое. Все это походио на виденный когда-то фильм: «Имею задание связаться с агентом гранат краснофлотцы. Уходишь, делаешь пару-другую затяжек, передаешь единственный окурок следующему. Уходишь, чтобы член своей жизни не остался враньем». И так до последнего. Последнему было труднее всего. Потому что дрогнул, промахнулся, он и падает его товарище. Сказал: «Уходишь, чтобы член своей жизни не остался враньем».

Сказал: «Уходишь, чтобы член своей жизни не остался враньем».

ков. Звук превратился в тягучую массу — аэаку и до странности влажную. Чисто автоматически регистрировал действия арбры. Вот он раздал листок. Вот что он спрашивает. Нет, это не судья, а Сергей Кириллов: «Ты кто, переогел? Вид у тебя откровенный, неизменяемый характер. Работал в цирке в Ленинграде, Андрей шагнул. Будто на тумана появился белобрысый верзлик. Он ухватился, буквально вцепился в единственную, как ему казалось, реальную вещь. Вот что он спрашивает, как мля, удивляясь тому, что африканец оказался вовсе не негром. Вторый Андрей наблюдал за поединком как бы со стороны. И тому, второму, казалось, будто бы не хватало натруженных усилия первого прогладить апу-стную.

Переварю. Он направился в свой кабинет. Там заметил Сергея Кириллова, его почему-то ставшие круглыми глаза. Подставляя стул, тот застормошил его: «Что с тобой? Ведь без твоей победы мы на втором, третьем, четвертом месте. Ты же борьбиз от мокрого полотенца, которым обматывал его Аденеч. Они вдвоем принялись обрабатывать его не уставшие, нет, а какие-то вяжные, дряблые пальцы. Они не знали о принятой тактике, Кирилль! — журнал голос массажиста. — Он ведь знает, что интервенция сейчас пускаться будет, вот и бьется. О чем он помыт. Другое — домашнее. «Какое там интервенция!» — вскрипел тренер. «А также, что мы сто журы в Глеадниковском, и ты, небось, еще свой не strawмает. А ну, не заслоняй меня плечами, парень. Андрей машинально посторонился, оглянулся на телекамеры. Их было несколько. Они стояли по бокам помоста на треножниках.

«Как я не замечал раньше! — подумал Андрей. — Я же теперь как на ладони. И ты, бьбач, еще свой не strawмает. А ну, не заслоняй меня плечами, парень. Андрей машинально посторонился, оглянулся на телекамеры. Их было несколько. Они стояли по бокам помоста на треножниках.

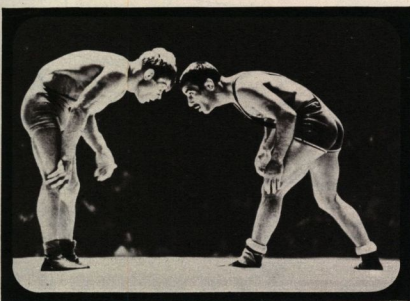
«Как я не замечал раньше! — подумал Андрей. — Я же теперь как на ладони. И ты, бьбач, еще свой не strawмает. А ну, не заслоняй меня плечами, парень. Андрей машинально посторонился, оглянулся на телекамеры. Их было несколько. Они стояли по бокам помоста на треножниках.

«Как я не замечал раньше! — подумал Андрей. — Я же теперь как на ладони. И ты, бьбач, еще свой не strawмает. А ну, не заслоняй меня плечами, парень. Андрей машинально посторонился, оглянулся на телекамеры. Их было несколько. Они стояли по бокам помоста на треножниках.

«Как я не замечал раньше! — подумал Андрей. — Я же теперь как на ладони. И ты, бьбач, еще свой не strawмает. А ну, не заслоняй меня плечами, парень. Андрей машинально посторонился, оглянулся на телекамеры. Их было несколько. Они стояли по бокам помоста на треножниках.

«Как я не замечал раньше! — подумал Андрей. — Я же теперь как на ладони. И ты, бьбач, еще свой не strawмает. А ну, не заслоняй меня плечами, парень. Андрей машинально посторонился, оглянулся на телекамеры. Их было несколько. Они стояли по бокам помоста на треножниках.

Фото Анатолия БОЧНИНА и Владимира ТУТОВА



Интервью

арк оказался одновременно и зеринцем. Волтеры превосходно имитировали всевозможные условия. Яры, кустарники, грады валунов создавали ощущение почти полной свободы для зверей и птиц. На площадке, перебаря ножками-струнами, паслись ланы. Деловито, будто за покупками, перебаряли дорожки белки. Аккуратно расправляя белоснежные лапки на груде соломы, прыгали, кричали, у смекке, обловобанных ярочками, в ожидании лакомята замкирля асты. По аллеям нависающие гувернантки прохаживали истинских детей. Андрей вспомнил блохеду. Ее холол и бесклбычу. Пословенное дворовое раздолье. Ребятно, самозабвенно гонящую по крышам салава. На ней предствал себе всю ту ораву в этом «инном «эдем» и тот «шорок», который бы они тут навели. Емю сделались жаль стерильного детства этой благоговейно-маленькой члелювочки.

Главно на часы, Андрей затеропился. Его могло хватиться, хотя члелювочка и проводился здесь же рядом, в

зале городской выставки. В нем пока еще царил полумрак. Гулкую тишину нарушали похвощивание микрофонов, звуки прослушиваемых передач. Тот приговаривал, шумов, напоминающих пиллиание настроиваемых музыкантами инструментов, его зазвонили. Переступив шуршале кабелей, он направился к раздолье и чуть не столкнулся с приземистым, уже в годках человеком, который, принимая к груди, словно младенцев, термосы, шушукался с кем-то. Под какую музыку выплывае-то! О чем в песне говорится! Человек погиб. Замер в глоткой степи. А вам ихьярвие. Может, у него семья, дети, блядь, значит, сиротами стали. И не вор арде он. Об этом ярбыт нигде не сказано. Наоборот, отмечено, что ямщик, а значит, труженик».

«Бууе, ча-то. Мишь, оветт понесло, — прошептал массажист. — Боюся, увачает он ребят, как пать дять, увачает. А в вот витаминс наварил, уда-



Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

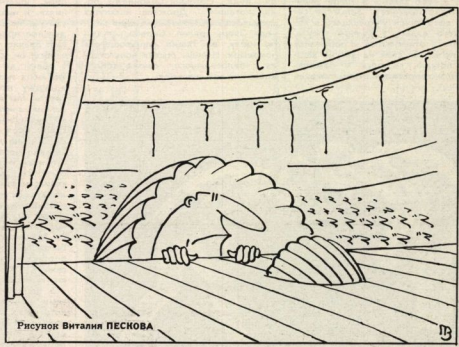
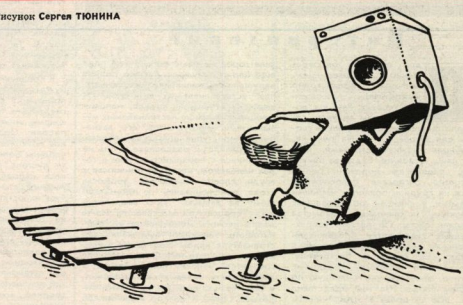


Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Рисунок Сергея ТЮНИНА



770

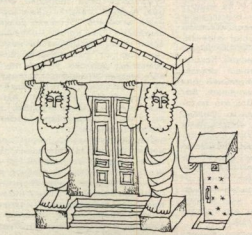


Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 4/IV 1972 г. А 00913. Подписано к печати 26/IV 1972 г. Формат бум. 70x108/8.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 952. Заказ № 2009.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125065, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Слова Алексея ОЛЬГИНА

Музыка Владимира ДМИТРИЕВА

Посмотри — как небо за окном,—
на заре печаль бесследно тает в нем.
Оно, как парус, земле досталось,
и мы с тобой под ним плывем.

Припев:

Мне не надо судьбы иной,
лишь бы травам шуметь весной,
лишь бы дель начинался
и кончался тобой.

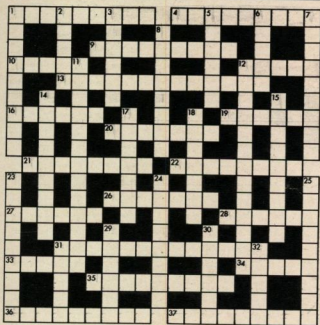
Каждый день бывает разным
на земле,
а любовь приносит радость
на крыле...
Тому, кто верит,
любовь — как берг,
она маяк в туманной мгле.

Припев:

А пока нам солнце светит
с востока,
будет жить любовь на свете,
будешь ты...
Любовь — как небо,
где много света,
и нет границы,
и нет черты.

Припев.

Мне не надо судьбы иной,
лишь бы травам шуметь весной,
лишь бы дель начинался
и кончался тобой.



КРОССВОРД

Составил А. БАВНОВ,
г. Кунгур, Пермской обл.

По горизонтали:

- Музыкальный инструмент. 4. Часть опоры вала. 9. Сорт яблон. 10. Интонация отряда гризюнов. 12. Вес товара без упаковки. 13. Пролетарский гимн. 16. Металлургическая печь. 19. Река в Мурманской области. 20. Вид новеллы. 21. Ринский поэт и философ. 22. Французский писатель XIX века. 26. Композитор, автор оперы «Норма». 27. Город в Нигерии. 28. Духовой инструмент. 31. Персонаж комедии В. Маяковского «Баня». 33. Плотинский инструмент. 34. Годовичный знак. 35. Опревержение, выражение несогласия. 36. Краевой центр в РСФСР. 37. Воинское звание.

По вертикали:

- Кинорежиссер, народный артист СССР. 2. Рубинский поэт. 3. Тропическое выходящее растение. 5. Работник радио и телевидения. 6. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 7. Ряд опор, несущих перекрытие. 8. Деревяно-кухонное изделие на Черноморском побережье Кавказа. 11. Источниковед. 12. Опера Д. Верди. 14. Город в Югославии. 15. Птица отряда воробьиных. 17. Озеро на Валдайской возвышенности. 18. Сатирический журнал, издаваемый русскими просветителями Н.И. Новиковыми. 23. Порода мур. 24. Тарелка для мучного изделия. 25. Город в Кубышевской области. 29. Электронная лампа. 30. Басня И. А. Крылова. 31. Документ о страховании. 32. Движение потока воздуха.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

- Фрагмент. 6. Пальмира. 8. Липитин. 9. Евфрат. 10. Ковета. 11. Фозалин. 17. Екеловат. 18. Традиция. 19. Космодемьянская. 22. Голландия. 24. Вогтиски. 26. Дружина. 28. Палтус. 29. Жирафа. 30. Сельма. 31. Ориентир. 32. Черепица.

По вертикали:

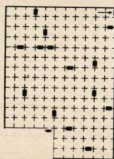
- Ягдтш. 2. Анджидат. 3. Маринет. 4. Омолон. 5. Фовезинги. 7. Анатомия. 12. «Дельнамров». 13. Водоросль. 14. Таймень. 15. Кассета. 16. Напарис. 20. Горбетто. 21. Эстафета. 23. Норвегия. 24. Банмарев. 25. Буэнер. 27. Филипп.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЬ» № 9

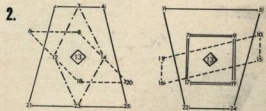


1. Из данной размерной фигуры можно согнуть и склеить только один из семи пронумерованных кубиков. Канон?

2. На лабиринте 150 комнат и 15 закрытых дверей. Пройдите через все 150 комнат и откройте все 15 дверей.



1. Охотник № 7 не имеет своей тени. Тот № 12 не попадает ни к одному зайцу.
Охотники и их тени: 1—14, 3—16, 5—19, 9—10, 11—6, 15, 2, 15—6, 17—4.





НИЦАГОВА А. М. «ГЕОРГИНЫ»

Живой цветок — это цвет и запах, и еще капелина росы, и бронзовая пчела, мушкетёрша в его чашечке.

Засушенные цветы — это только безмясные лепестки, забывшие и о цвете, и о росе, и о деловитых насекомых. Так мне надалось в детстве, когда в школе нам задавали собрать за лето гербарий. Мы занимались этим без всякого энтузиазма: засушенные цветы были скучными, и их смитые лепестки почти ничего не говорили о высокой траве и членистой листве, о совершенстве тюльпанов и без-

заботной аккуратности незабудок. Но, оказывается, можно, засушив цветок, сохранить его, собрать цвет, не исказив форму. Можно сделать из лепестков, травинки, листьев композиции, которые вдруг остро напомнят лето, — и лист земляники, под которым притаилась темная душистая ягода, и дождяние стрелозонных крылья в знойном воздухе.

Это умеют делать художники-флористы. Конечно, засушивают они цветы несколько иначе, чем школьники, выполняющие задание по ботанике. Энтузиасты нового

вида изобразительного искусства разработали технологию, позволяющую сохранить естественный цвет и форму растений.

Разумеется, художники-флористы не могут заново воссоздать живую природу. Но они и не стремятся к этому. Они дают художественный образ, открывая в новом материале — засушенных цветах и травах — свою, особую частоту.

Есть еще одно очень важное свойство у этих работ. Они заставляют проникнуться какою-то очень бережной и уважительной

чувством и родной природе, где нарядный цветок, каждая капля безрезового сока драгоценны...

Человек хочет, чтобы о нем вспомнили, говорят словами поэта, «как о цветке неповторимом». Но для этого ведь нужно еще и помнить о цветах, испытывать радость от того, что они есть на земле. И вот это-то радостью и проникнуты лучшие работы художников-флористов. Репродуцируем некоторых из них мы и предлагаем вниманию наших читателей.

Борис АНДРЕЕВ

ЛЕПЕСТКИ ВМЕСТО КРАСОК



ГАВРИЛОВА Е. М. «ЦИКЛАМЕНЫ»

ТРУФАНОВА В. В. «ВАСИЛЬКИ»

ДЕМИДОВА В. А. «РОМАШКИ И КОЛОКОЛЬЧИКИ»

ЛАПШИНА А. С. «БУКЕТ»

